

Евгений Горохов

Познавшие истину

16+

Евгений Горохов
Познавшие истину

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Горохов Е. П.

Познавшие истину / Е. П. Горохов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

20 декабря 2020 года исполнилось сто лет внешней разведки России. Именно 20 декабря 1920 года был образован Иностраный отдел ВЧК. Внешняя разведка - это глаза и уши правительства страны. Она бывает легальной и нелегальной. Разведчик-нелегал - человек особого склада. Его судьба трудна и опасна. Жить по чужой биографии в неродной стране и выполнять свою работу под носом у контрразведки. Один такой разведчик, Мухтар Хусаинов, оставив в Башкирии единственного родного человека, свою маму, под именем Омара Бадифа натурализовался во Франции. Другой разведчик, Пётр Абердин, с женой уехал в США, оставив в Москве маленького сына. Эти люди передавали ценную информацию, проживая под чужими именами не один десяток лет, а кто-то и похоронен под чужим именем на чужбине. О работе внешней разведки и о людях, служащих в ней, эта книга.

Содержание

1. Кто в море не ходил, тот Богу не молился	6
2. Ты молчишь лучше, чем говоришь	15
3. Троя и её Конь	22
4. Умножает познания	26
5. Сердце алчущего	30
6. Под небом Парижа	42
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Евгений Горохов

Познавшие истину

Посвящается моей маме Гороховой Валентины Михайловне.

«И познаете истину, и истина сделает вас свободными».

Эта цитата из Евангелия от Иоанна, написанная на панно в холле штаб-квартиры ЦРУ¹ США в Ленгли, может быть девизом всех разведслужб мира.

¹ ЦРУ – Центральное разведывательное управление.

1. Кто в море не ходил, тот Богу не молился

Май 1963 года

Автономное плавание или проще автономка – это боевой поход корабля для «обеспечения обороноспособности страны». Во всяком случае, так это мероприятие называл замполит капитан третьего ранга Судаков, которому на лодке шутники заменили первую букву в фамилии на «М». Эти остряки и автономку окрестили – «великое сидение».

За время великого сидения, подводная лодка крадётся в заданный район и производит блокаду порта, либо торпедную атаку на корабли противника – это на войне, а в мирное время всё делается условно. Однако, морская пучина вещь реальная, и опасность в ней таится настоящая, потому, капитан проводит бесконечные тренировки по борьбе за живучесть корабля, добиваясь, что бы самый последний матрос довёл свои действия до автоматизма. В море трудятся все, от капитана до трюмного матроса. Работа эта именуется – вахта. Есть в экипаже люди, которые вахту не несут, потому их зовут «пассажирами». На подводной лодке таких двое или трое: заместитель корабля по политической части, начальник медицинской службы и особист КГБ. Впрочем, во время тревог у них есть свои обязанности. За «отлынивание» от вахты, экипаж на них не в претензии, если они сидят без дела, значит, всё на лодке хорошо.

В этой автономке, на лодке проекта 629, (лодки этого типа в НАТО квалифицируются как «гольф», а наши подводники за тесноту прозвали – «сарай»), было ещё два пассажира, причём, настоящих. Однако, обо всём по порядку: по неписаному правилу, из базы лодки уходят в автономку ночью. Перед тем как отвалить от пирса, командир К-107 капитан первого ранга Краснов, неожиданно получил приказ отправить особиста лейтенанта Силуянова в штаб дивизии. Вскоре, тот на штабном ГАЗике вернулся с двумя пассажирами, и подал Краснову пакет. Прочитав приказ, капитан велел курившей на палубе команде, спуститься вниз. Затем, Силуянов проводил пассажиров в каюту, а двое матросов затащили в лодку их багаж – ящик обитый кожей. На голове у одного из пассажиров был чёрный балахон, с прорезями для глаз. Среди команды сразу начались разговоры: кто это такой? Оба пассажира сидели безвылазно в своей каюте, они даже ели там, и не ходили в кают-компанию.

Согласно международному морскому праву, в мирное время все проливы субмарины проходят в надводном положении. К-107 вошла в Гибралтарский пролив в полночь. Красное это зрелище проход подводной лодки по проливу ночью! Отливают в лунном свете изумрудные буруны по носу лодки, блестят волны, расходящиеся в косую, по бортам. Таинственные пассажиры не отказали себе в удовольствии подышать свежим воздухом. Тот, кто был в балахоне, провёл пальцем по мокрой резиновой обшивке рубки, и микроскопический планктон, налипший на ней, при свете луны, высветил полосу. Незнакомец нарисовал восклицательный и вопросительный знаки на рубке, и посмотрел на стоящего рядом мичмана Колю Иванова. Потом тот клятвенно уверял, что пассажир улыбался под своим балахоном.

Двадцать первого мая капитанская вахта была с полуночи до четырёх часов утра. Если капитану не взбредёт в голову объявить тревогу и начать учения по борьбе за живучесть корабля, то можно сказать, что автономка идёт спокойно. Впрочем, не прошло и половины похода, и потому ученья проводятся не часто. Их будет много ближе к концу автономки, именно тогда у экипажа сказывается усталость от плавания, и люди более халатно относятся к своим обязанностям. Не случайно восемьдесят процентов аварий на подводных лодках случается при возвращении домой. Но сейчас прошло лишь треть автономки, и вряд ли Краснов объявит тревогу. Правда настораживает тот факт, что штурман капитан-лейтенант Усачёв сменившись с вахты, спать не пошёл, а в остальном, всё идёт обычным порядком – капитан сидит на своём месте, грызёт галету. К нему подошёл штурман.

– Товарищ командир, через полчаса будем в заданном районе, – доложил он.

– Вахтенный офицер, особиста на ГКП², – продолжая грызть сухарь, дал команду Краснов.

Вахтенный – командир БЧ-5 инженер-химик Толик Афанасьев метнулся к переговорному устройству «Нерпа». Тут же на ГКП пришёл Силуянов.

– Скажи своим гостям, что через полчаса будем в точке, – сказал ему Краснов.

Силуянов ушёл и вернулся с пассажирами.

– Товарищ командир, находимся в заданной точке, – доложил Усачёв.

– Акустик, горизонт? – запросил по переговорному устройству Краснов.

– Горизонт чист, – доложил акустик, это значит что на сотню морских миль на поверхности, да и под водой, не прослушиваются шумы корабельных винтов.

– Всплыли на перископную глубину, – доложил вахтенный инженер-механик.

– Поднять перископ, – дал команду Краснов.

Из шахты медленно поползла вверх труба перископа. Краснов приткнулся к окуляру.

– Чисто, – сказал он, складывая ручки перископа. Обернулся к боцману, лысому и морщинистому как черепаха, мичману Семенову: – Старый, всплываем.

– Есть, – ответил, тот и задвигал рулями.

Когда лодка оказалась на поверхности, и отдраили люк, на палубу вышли Краснов, особист и два пассажира. Один как всегда был в своём балахоне. Матросы принесли кожаный ящик, там оказалась резиновая лодка, вёсла и насос. Матросы, накачав лодку, спустили её на воду, и в неё сел пассажир в балахоне.

– Берег в той стороне, – сказал Краснов, – до него десять миль.

– Счастливо добратся, – махнул рукой другой пассажир.

Человек в балахоне сел в лодку, помахал рукой, при этом он не проронил ни слова, (никто в команде так и не слышал его голоса). Особист, пассажир и капитан стояли на палубе, смотрели на удаляющуюся резиновую лодку, потом спустились вниз, и субмарина стала погружаться. Спустя несколько минут на месте, где она была, волны расходились кругами. Серебряный диск луны на светлеющем небе, спокойная гладь моря и резиновая лодка, а кругом тишина. Человек снял с головы балахон и швырнул его в море.

– Вот и всё что осталось от Мухтара Хусаинова, – сказал он, глядя как тонет его балахон.

Он вздохнул, тихо сказав: – Прости мама, не знаю, свидимся ли.

Взялся за вёсла и погрёб в сторону берега.

Есть во Франции неподалёку от границы с Италией, небольшой городок Ментон. Тихий, уютный городишко в сорока километрах от всемирно известного курорта Ницца. Здесь почти нет туристов, хотя Ментон расположен в уникальном месте – с севера от холодных ветров он закрыт приморскими Альпами, по этой причине климат здесь очень мягкий. Ментон буквально утопает в цитрусовых. В городе полно апельсиновых и мандариновых деревьев. Насыщенный йодом морской воздух очень полезен для больных туберкулёзом. В XIX веке, когда туберкулёз был бичом бедных и богатых, сюда приезжали больные из Англии, России и Германии. Здесь они вылечивались, а тем, кому не повезло, умирали. На городском кладбище Ментона полно могил известных аристократических фамилий. Морской берег в окрестностях Ментона – сплошной песчаный пляж. Вот туда-то и причалил человек на резиновой лодке, оставив её, он пошёл в город.

Ришар Лоранс любил свою работу, нравился ему запах свежеспечённого хлеба. Вынимая багеты из печи, и глядя на их золотистые корочки, он неизменно приговаривал:

– Ах, вы мой полоски-жердочки!³

² ГКП – главный командный пункт.

³ Знаменитые французские багеты в XVII веке назывались *baguette de pain*, что дословно на русский язык переводится:

Раскладывая у себя в патиссери-бланжери⁴ на прилавке свежесдобитые багеты, круассан и хлеб с орехами Ришар частенько вздыхал:

– Какая красота! Готовый натюрморт! Для чего нужно было Марселю уезжать в Париж?! Рисуй здесь свежесдобитый хлеб, рассвет на море, цветы в садах Ментона. Нет, не захотел! Вместо этого, малюет грязные переулочки Парижа, и живёт впроголодь, потому что картины его никто не покупает. Эх, молодёжь!

Закончив работу, Ришар шёл на улицу, это было его время – в шесть часов утра город тих и спокоен. Он варил себе кофе, вдыхая его аромат, наслаждался тишиной, которвя продлится недолго. Его патиссери-бланжери находилась на улочке Марн, а чуть дальше, на улице Революции – мэрия, полицейский участок и школа. В провинциальных французских городках, люди, выходя из дома на работу, идут в бланжери, что бы выпить чашечку кофе с только что испечённым круассаном. Для этих целей на улице Ришар держал семь столиков, за которыми утром собирались учителя, полицейские и служащие мэрии. Здесь они обменивались новостями. Хотя какие тут могут быть новости?! Вечером эти же люди, включая самого Ришара, соберутся в бистро супругов Россаль.

«Болото!» – презрительно кривился Марсель, и уехал в Париж.

Ришар покачал головой, прогоняя грустные мысли, посмотрел на улицу. По ней шёл незнакомый парень лет двадцати пяти в джинсах и чёрном свитере. Увидев Лоранса, он направился к нему:

– Доброе утро месьё, – поздоровался незнакомец. Оглядев улицу, он спросил: – Скажите, как зовётся этот город?

– Что же ты парень путешествуешь без карты?! – усмехнулся Лоранс.

– Так получилось.

– Это город Ментон. А ты откуда?

– Я приплыл сюда из Алжира, меня зовут Омар Бади́ф.

– Мой старший сын погиб в Алжире, – сказал Ришар Лоранс. Он поставил чашку с кофе на стол и тяжело взглянул на Бади́фа: – Вы воевали за независимость от Франции, убивали наших парней за свою свободу, де Голь дал вам её. Чего же вы к нам лезете?!

– Я приплыл сюда, потому что я хараки, – ответил Омар.

– Кто это?

– Не все алжирцы были согласны с тем, что Фронт национального освобождения борется за независимость Алжира. Многие хотели по-прежнему оставаться заморской территорией Франции, – стал объяснять Омар Бади́ф, – таких людей звали хараки. Они с оружием в руках воевали на стороне французской армии. Я сам лично не воевал, мы жили в городе Анаба, там, у отца была автомастерская. Мы с братом помогали ему. Когда французская армия ушла из Алжира, партизаны стали призывать народ покарать хараки за предательство. Я по делам ездил в Константи́ну, а когда вернулся, увидел, что мастерскую и наш дом сожгли. Мать, отца и брата убили. Целый день я просидел в подвале своего дома. Там у нас была резиновая лодка, и я решил переплыть море. Набрал в канистру воды, спасибо соседу, выручил, дал немного консервов. Я сел в лодку и поплыл.

Хозяин бланжери протянул руку Омару Бади́фу:

– Ришар Лоранс, – представился он. С любопытством посмотрев на парня, улыбнулся и спросил: – Страшно было в одиночку море переплывать?

– У меня остался небольшой выбор: либо зарежут, либо я утону в море. Честно говоря, раньше я не был истово верующим, но оказавшись в море, сильно уверовал в Аллаха. Даже слова молитвы вспомнил.

«палка хлеба».

⁴ Патиссери-бланжери – дословно с французского языка переводится: «пекарня-кондитерская».

– Ты, наверное, голоден?

– Очень! – кивнул Омар Бадиф. Он похлопал по карманам джинсов: – У меня есть немного денег, я заплачу.

– Побереги их, они тебе ещё понадобятся, – усмехнулся Ришар Лоранс, – сейчас я покормлю тебя.

В средние века Алжир был родиной мореходов и рыбаков. Именно оттуда знаменитый адмирал пиратов Хайрутдин Барбаросса (Рыжебородый) делал набеги на земли христиан в Испании, Франции и Италии. Шли годы, пираты в Средиземном море пропали. Алжир со второй половины XVI века, становится пашалыком (провинцией) Османской империи, причём довольно бедной. В 1830 году Франция вторглась в Алжир, а в 1834 году аннексировала его, разделив на три провинции – Алжир, Оран и Константину. Теперь это были заморские владения Франции.

В 1865 году для алжирцев был принят Кодекс поведения, по которому они считались субъектами мусульманского законодательства, то есть жили по законам шариата, алжирцы призывались во французские вооружённые силы. Хотя Алжир входил в состав Франции, но алжирцы не являлись гражданами этой страны. Получить гражданство алжирцу было сложно, требовалось заполнить на французском языке множество бумаг, а большинство алжирцев было неграмотными, они и по-арабски то писать не могли, не то, что на французском языке. Только 13% алжирцев имели гражданство Франции.

Во второй половине XIX века из Франции в Алжир ринулись колонисты. Они захватывали плодородные земли, которых в Алжире было не так уж и много. Этим колонистов во Франции звали колоны (черноногие). К середине XX века колонам принадлежало 40% всех плодородных земель Алжира, было их около миллиона человек, жили они обособленно от местного населения. Алжирцы служили прислугой у колонов, либо работниками на их фермах. Колониальная администрация в дела алжирцев не лезла: у них были старейшины, которые ведали административными вопросами, а правосудие осуществляли судьи-кадии. В армии Франции алжирцы служили в национальных частях сапагов и тиральеров, офицерами там были французы. Алжирцы воевали за Францию в обе мировые войны, а также на войне в Индокитае. Во время второй мировой войны многие алжирские улемы⁵ стали призывать к независимости Алжира. Ещё в 1938 году алжирец Фархад Аббас организовал Алжирский демократический союз, но до 1945 года вся борьба была мирной. 8 мая 1945 года в алжирском городе Сети прошла массовая демонстрация молодёжи, с требованиями независимости. Полицейские при её разгоне застрелили двадцатилетнего парня. В стране вспыхнули погромы ферм колонов, были убиты сто два человека. После этого колоны вооружились, и совместно с французской армией, провели «жёсткие» зачистки в алжирских кварталах. При этом было перебито около десяти тысяч алжирцев. Трупы хоронить не успевали, потому их просто сбрасывали в горах Кобилии. Залив кровью Алжир, французы добились успокоения всех трёх провинций.

После этой кровавой бойни в Союзе Фархада Аббаса появилось боевое крыло, в которое входили: Рахаб Битад, Бен Булаид, Мухаммед Бадиаф, Белькасем Крим, Бен Мухди и Мурад Дидуш. Именно эти люди 1 ноября 1954 года создали Фронт национального освобождения Алжира. Это уже была партизанская армия. Свой первый бой она дала 1 ноября 1954 года, напав на несколько гарнизонов французской армии. Франция направила в Алжир дополнительные воинские части, а Фронт начал активные боевые действия. Так в Алжире разгорелась война. Французское правительство в борьбе с партизанами ввело тактику квадрильяжа – весь Алжир разбили на квадраты, которые закрепили за определённой воинской частью, та отвечала за порядок в своём квадрате. Против партизан в основном воевали парашютисты и Ино-

⁵ Улем – авторитетный знаток норм Ислама. Он даёт ответы на практические вопросы в жизни мусульманской общины.

странный легион⁶. Именно во время войны в Алжире, войска впервые к месту боя стали перебрасываться на вертолётах.

Одновременно с ведением боевых действий, французское правительство начало повышать благосостояние алжирцев, склоняя их к лояльности. Эта политика приносила свои плоды, многие алжирцы вступали в военизированные формирования, которые воевали против Фронта национального освобождения Алжира, таких алжирцев звали – хараки. Со временем так стали звать всех алжирцев вставших на сторону французской армии, даже тех, кто не воевал с оружием в руках.

В июне 1956 года премьер-министром Франции стал герой французского Сопротивления в годы Второй мировой войны Шарль де Голль. Он посетил Алжир и понял, что военным путём остановить деколонизацию этой страны не удастся. 16 сентября 1959 года Шарль де Голь выступил с речью в парламенте, в которой согласился с правом алжирцев на самоопределение.

Правительство СССР формально признавало за алжирцами право на независимость, но не хотело портить отношения с Францией. Потому Советский Союз военной помощи Фронту национального освобождения Алжира не оказывал. Оружие партизанам поставляли Китай и Куба. Руководство Управления «С»⁷ ПГУ КГБ СССР разрабатывая легенду для Мухтара Хусаинова, прежде всего, учитывало, что он мусульманин, прошедший в детстве обряд хитан⁸. Было принято решение натурализовать Хусаинова во Франции как алжирца.

Мухтар попал в поле зрения кураторов из ПГУ КГБ в 1955 году. Он, будучи студентом третьего курса Московского автомобильно-дорожного института, принимал участие во встрече американского писателя Трумена Капоте. Американцу решили показать, как живут студенты в СССР. Выбор пал на МАДИ, а отличник Хусаинов общался с писателем Капоте. Именно тогда в КГБ было отмечено хорошее знание английского языка Мухтаром Хусаиновым. Полгода КГБ изучал его биографию, а когда он на четвёртом курсе сдал зимнюю сессию, его вызвали в комитет комсомола. С ним беседовал седовласый товарищ в коричневом твидовом костюме. Он поговорил с Мухтаром, заставил его написать автобиографию. В 1957 году Хусаинов получил распределение в «почтовый ящик № 106»⁹. Это была легенда для родственников и друзей, на самом деле Мухтар стал проходить подготовку на разведчика-нелегала. Он жил в маленьком уральском городке Куса, в общежитии геологоразведочного отряда. Такая там была табличка на дверях здания, на самом деле оно принадлежало Управлению «С». Мухтар изучал арабский и французский языки, специальные предметы, историю Алжира. В уральском городке Мухтар прожил три года, кроме преподавателей он не видел ни одного такого же слушателя, как он сам, хотя знал, что они есть.

В 1960 году Мухтар был переведён в город Куйбышев¹⁰, здесь он жил на частной квартире и продолжал обучение. Тем временем Фронт национального освобождения Алжира организовал временное правительство. В октябре 1960 году Фархад Аббас, будучи главой временного правительства Алжира, приехал в Москву. Он вёл переговоры с первым заместителем Председателя Совета министров СССР Алексеем Косыгиным, пытался получить поддержку Советского Союза. В качестве советников к Аббасу были приставлены несколько офицеров КГБ. Один из них, майор Анисимов выступал в роли переводчика с арабского языка, он являлся сотрудником Управления «С». Целью его командировки в Алжир была проработка меропр-

⁶ Иностраный легион – войсковое соединение, входящее в состав сухопутных войск Франции. Комплектуется преимущественно иностранными гражданами.

⁷ Управление «С» – структура в Первом главном управлении (ПГУ) КГБ СССР, которое отвечало за работу нелегальной разведки.

⁸ Хитан – обряд обрезания у мусульман, состоит в отсечении крайней плоти у мальчиков.

⁹ «Почтовый ящик» – так в Советском Союзе звались секретные заводы и научно-исследовательские институты, работающие на оборонную промышленность. Эти организации имели только номер без названия.

¹⁰ Куйбышев – ныне город Самара.

ятий по легализации в стране агента-нелегала. В апреле 1961 года в алжирский город Анаба приехал Хусаинов, именно здесь он стал Омаром Бадифом. В декабре 1962 года Мухтар вернулся в Советский Союз. Он получил отпуск и поехал в Стерлитамак к маме, с которой прожил сорок пять дней. Потом опять была кропотливая отработка легенды, так пролетело ещё полгода, и вот Омар Бадиф пьёт кофе в бланжери Ришара.

– Спасибо за заботу месье Лоранс, – сказал он, и собрался уходить, но тут из дома Ришара вышла темноволосая девушка в синем платье. Она встала за прилавок и включила радиоприёмник. Энрико Масиас пел свою грустную песню «Я покинул свою страну».

– Как раз для тебя песня, – усмехнулся Лоранс. Он подошёл к девушке и, указав рукой на гостя, продолжил: – Знакомься Клодин, это наш постоялец Омар Бадиф, он поживёт у нас, пока не определится с работой.

Ришар обернулся к Омару:

– Это моя дочь, Клодин.

– Омар, интересное имя, – улыбнулась девушка. Она налила себе кофе и с любопытством, посмотрела на Бадифа: – Ты случайно не турок.

– Нет, я приплыл из Алжира.

– Клодин, покажи ему комнату Амори, и дай кое-что из вещей брата. Они одного роста, вещи должны быть впору Омару, – велел Ришар. Он встал за прилавок и кивнул в сторону двери: – Иди, отдохни пару часов, затем займёшься делами.

На вид Клодин Лоранс было лет двадцать, стройная, темноволосая. Красавицей, её назвать нельзя, но был в ней какой-то шарм, а нежный, как колокольчик голосок, делал её привлекательной. При ходьбе Клодин сильно хромала на правую ногу. Девушка привела Омара в маленькую комнату, в которой едва помещались кровать, шкаф и стол со стулом. На стене висела фотография светловолосого парня в форме лейтенанта пехоты.

– Это твой брат? – спросил Омар.

– Да, это Амори, – кивнула Клодин, – он три года назад окончил пехотную школу в Монпелье. Через полгода, добился назначения в Алжир, а спустя несколько месяцев погиб.

– Да много людей убили на этой войне, – вздохнул Омар Бадиф.

– Ты тоже воевал?

– Нет, у моего отца была автомастерская в Анабе. Нас было трое братьев, я старший. Мы со средним братом Авазом помогали отцу, а младший братишка, Рахат, не любил копаться в моторах, и пошёл воевать на стороне французской армии. Таких алжирцев, как мой брат звали хакаки. Впоследствии хакаки стали звать всех, кто не поддерживал партизан из Фронта национального освобождения. Рахата убили партизаны. Когда французская армия ушла из Алжира, нас стали резать. Мать, отца и брата убили, а мне чудом удалось спастись. Я сел в лодку и переплыл море.

– Страшно было плыть через море?

– Очень, – рассмеялся Омар.

Первый день пребывания в Ментоне, для Омара оказался очень удачным – он получил временное удостоверение личности, встал на учёт на бирже труда в мэрии. Впрочем, безработным Омар был ровно одни сутки. Тео Лоранс – старший брат Ришара был владельцем автомастерской, убедившись в высокой квалификации Омара, он взял его к себе на работу.

Ах, Париж, Париж! Прекрасный и романтичный город. Сибиряк Иван Волков влюбился в него с первого взгляда, когда оказался здесь в 1947 году. После окончания ВШР¹¹ Волков

¹¹ ВШР – высшая школа разведки, в служебной переписке она ещё именовалась 101-ой школой. Находилась в лесном массиве у посёлка Нагорный под Москвой. В 1968 году 101-ю школу КГБ, преобразовали в институт КГБ СССР. В декабре 1994 года институт был переименован в Академию внешней разведки РФ. Это высшее учебное заведение по подготовке кадров оперативного состава для Службы внешней разведки России.

попал на службу в Комитет по информации¹², и его направили в Париж. Разведчика всегда спасает хорошее знание города, а для этого нужно ногами походить по его улицам. Вот так изучая Париж, Волков и влюбился в него. Особенно Ивану нравилось бродить по Монмартру. Как раз в 1948 году, когда он изучал Париж, на площади Тертр (район Монмартр), певица парижских кабаре Анриетта Рагон, которую все знали по сценическому псевдониму – Паташу, открыла чайный салон. Чтобы развлечь клиентов, она пригласила аккордеониста Мориса Виятне, а тот позвал своего приятеля, контрабасиста Пьера Никола. Вот так чайный салон превратился в кабаре под названием «У Паташу». В основном пела сама хозяйка Анриетта Рагон, она предлагала спеть и своим гостям.

Ивану нравилась атмосфера в этом кабаре. Здесь начинали свой путь многие известные шансонье: Брассане пел тут свои непристойные песни, и стал знаменит в Париже. «У Паташу» в оркестре на фортепьяно играл Серж Генсбур, впоследствии ставший известным композитором. Это именно Паташу «раскрутила» Жака Бреля – шансонье из Бельгии. Всё происходило на глазах Ивана Волкова. Он проработал в Париже четырнадцать лет, после чего был переведён в Москву в Управление «С». Подполковник Волков входил в группу по подготовке Мухтара Хусаинова. Именно его предпочтение явилось причиной того, что приехав в Париж, Омар Бадиф направился в кабаре «У Паташу».

Освоившись в Ментоне, Омар Бадиф в середине августа решил съездить в Париж. Побродив два дня по городу, он позвонил из таксофона по номеру, который помнил наизусть. Когда на том конце взяли трубку, Омар сказал:

– Это фирма «Фламенко»? Будьте любезны позовите, пожалуйста, к телефону мессье Фолле.

– Вы ошиблись, это торговое представительство Советского Союза, – последовал ответ. Неизвестный абонент посоветовал: – Набирайте правильно номер.

– А может, это вы неправильно телефон берёте?! – недовольно проворчал Омар.

– Возможно, – развеселился незнакомец. Отсмеявшись, он сказал: – Остаётся мне поискать мессье Фолле.

Омар повесил трубку.

Спустя несколько часов в Москве на площади Дзержинского¹³, в ПГУ КГБ заместитель начальника Управления «С» генерал-майор Виталий Абердин получил шифровку, что агент-нелегал, закодированный как «Учитель», вышел на связь. Дальше всё должно идти по разработанной схеме. Вот и отправился Омар Бадиф через день после звонка в торговое представительство СССР, в кабаре «У Паташу». Там в туалете, за смывным бачком, он нашёл маленькую бумажку, а взамен оставил свою. Сделав дело, он пошёл в зал слушать песни Ги Беара.

В записке была инструкция: ему надлежит приобрести транзисторный приёмник «Филипс», а его заводской номер дать связному при следующей встрече. В своей записке, Омар указал, что встреча со связным должна состояться ровно через месяц, в Ницце, в парке Вальроз, возле входа в университетский городок. На этой встрече Омар передал связному заводской номер транзисторного приёмника, и получил пароли для следующего контакта.

Встреча со связным самый опасный момент в работе нелегала-разведчика. Именно тогда за ним может проследить контрразведка. После знаменитой речи Уинстона Черчилля¹⁴ в СССР

¹² В СССР до января 1947 г. Внешней разведкой занималось Первое управления НКГБ СССР, (с марта 1946 года МГБ СССР). Затем был создан Комитет информации (КИ) при Совете министров СССР. В феврале 1949 года КИ передали в МИД СССР. После многочисленных преобразований 1953-1954 годов, ведением внешней разведки занялось Первое Главное Управление (ПГУ) Комитета государственной безопасности (КГБ) СССР.

¹³ Площадь Дзержинского – сейчас в Москве это Лубянская площадь.

¹⁴ 5 марта 1946 года Уинстон Черчилль – бывший премьер-министр Великобритании, в Вестминстерском колледже города Фултон в США, произнёс речь о том, что СССР – враг Западного мира. Именно с этой речи началась «Холодная война», противостояние СССР и НАТО во главе с США.

опустили так называемый «Железный занавес», людей из Советского Союза за границу практически не выпускали. Разведчики КГБ и ГРУ¹⁵ работали под «крышей» посольств или торговых представительств СССР. Во Франции сотрудники DST¹⁶ знали всех советских разведчиков, и вели наблюдение за ними. Встреча нелегала со связным, это риск «засветиться» перед контрразведкой. По этой причине такие контакты сводятся к минимуму.

Для связи с Центром, Омар приобрёл транзисторный приёмник. В структуре КГБ было специальное подразделение – оперативно-техническое управление (ОТУ), в состав которого входил Центральный научно-исследовательский институт специальной техники (ЦНИИСТ). За неделю тамошние умельцы изготовили радиопередатчик на базе транзисторного приёмника «Филипс». Он был точно таким же, какой приобрёл Омар Бадиф, и с тем же заводским номером. В транзисторный приёмник был встроены радиопередатчик.

В годы Второй мировой войны разведчики во время радиопередачи подвергались опасности – их пеленговали. Специальные радиоустановки определяли направление (пеленг) источника радиосигналов, а службы безопасности перетряхивали все квартиры в доме, разыскивая радиопередатчик. В конце пятидесятых годов появились интегральные схемы¹⁷, после чего, возможности шпионской техники сильно возросли. Теперь информацию вначале «настукивали» на специальное записывающее устройство, также встроено в приёмник, затем эта информация «сжималась», и «выстреливалась» в эфир в течение нескольких секунд. За это время служба радиоперехвата не успевала запеленговать место передачи.

В ПГУ КГБ имела Служба «Р», то есть радиосвязь. Именно эта служба принимала все сообщения разведчиков-нелегалов разбросанных по всему миру, а потом передавала их информацию в управление «С». Обратная связь с нелегалом осуществлялась так же с помощью Службы «Р». К волне какой-либо популярной радиостанции, пристраивался передатчик Службы «Р», при этом без специального дешифратора, уловить его сигнал было не возможно. Такой дешифратор был вставлен в транзисторный приёмник разведчика-нелегала. Транзисторный приёмник фирмы «Филипс», изготовленный в ЦНИИСТ КГБ СССР Омар Бадиф забрал из ячейки камеры хранения парижского железнодорожного вокзала Монпарнас. Вместе с передатчиком он получил шифроблокнот встроены в переплёт романа Веркора «Сильва».

В античные времена, философ Платон, попивая вино в Сиракузах¹⁸, рассказывал своим ученикам легенду о том, что каждый человек имеет свою вторую половину. Если он найдёт её и соединится с ней, то станет сильным и счастливым. Но бог Зевс-громовец сделал всё, чтобы люди были несчастны, потому, он так перемешал их на Земле, что у человека, очень мало шансов, найти свою половинку. Но если это всё же это произойдёт, то человек обретёт своё счастье. Омар Бадиф эту легенду слышал, в другой жизни, где его звали Мухтар Хусаинов. Но он и предположить не мог, что для встречи со своей половинкой, ему нужно было проехать полмира. Пересечь Северный Ледовитый океан, (его путешествие началось с Большой Лопаткиной губы в Западной Лице¹⁹). Затем плыть по Атлантическому океану, а потом ещё немного по Средиземному морю. Его половинка будет вторым человеком, с которым он повстречается, придя в Ментон, первым был её отец – Ришар Лоранс. Нужно признать, Омар не сразу понял, что Клодин Лоран и есть та самая половинка. Вначале он положил на неё глаз из меркантиль-

¹⁵ ГРУ – Главное разведывательное управление Генерального штаба Министерства обороны СССР.

¹⁶ DST (Direction Centrale de la Surveillance du Territoire) – Служба защиты территорий, организована в 1946 году. Входила в структуру МВД Франции. В 2008 году была реорганизована в Главное управление внутренней безопасности МВД (DGSI).

¹⁷ Интегральная схема – микроэлектрическая схема произвольной сложности, изготовленная из полупроводника.

¹⁸ Сиракузы – город-колония эллинов в Сицилии.

¹⁹ Западная Лица – пункт базирования Северного флота ВМФ СССР. На Большой Лопаткиной губе дислоцировалась дивизия подводных лодок.

ных соображений, решив, что с её помощью легче натурализоваться во Франции. Ему нравилось болтать с девушкой, а уже потом появилась привязанность.

Вторая пятница ноября пришлась на восьмое число, и вышло так, что уик-энд вырос на один день – 11 ноября выпало на понедельник²⁰. Омар застал Клодин за составлением букета.

– Пойду на кладбище, положу этот букет на могилу Амори, – сказала девушка, – когда он приезжал в отпуск из пехотной школы, всегда привозил мне камелии. Говорил, что эти цветы так же совершенны, как и я.

Девушка грустно улыбнулась:

– Врал, конечно.

– Почему?! – удивился Омар.

– Тоже мне колченогое совершенство, – махнула рукой Клодин. Она поставила готовый букет в вазу: – Не зря тётушка Абелия говорит, что мужчины рассуждая о женской душе, смотрят на её грудь. Тётя Абелия ещё в детстве мне говорила, что с моим уродством, мужа мне не найти.

– Она была не права, – ответил Омар. Он посмотрел в глаза девушке: – Ты мне нравишься Клодин. Я бы попросил твоей руки у Ришара, но боюсь.

– Чего?

– Он подумает, что с помощью женитьбы на тебе я хочу здесь получше пристроиться.

– Но если это не так, то чего же тебе бояться? – улыбнулась Клодин. – Папа умный человек, он всё поймёт.

Помолвка Омара и Клодин состоялась через неделю. На такое событие приехал из Парижа Марсель Лоранс. Тео заявил, что свадебным подарком от него и его жены Абелии будет автомастерская.

– Я больше не хочу быть хозяином, – заявил он, – пусть теперь у Омара за всё голова болит, а я у него буду простым автомехаником.

²⁰ 11 ноября 1918 года в Компьене было подписано перемирие между войсками Антанты (за исключением России) и Германией. С тех пор во Франции отмечается день победы в Первой Отечественной войне, (Первая мировая война во Франции называется Первой Отечественной). В настоящее время этот праздник именуется День Поминовения павших воинов, во Франции считается праздничным, нерабочим днём.

2. Ты молчишь лучше, чем говоришь

21

Май 1968 года.

Май 1968 года во Франции назовут «Красным маем». Это из-за студенческих волнений, на которых молодёжь вышла с марксистскими лозунгами. Непонятно, чем они были недовольны?! Страна прожила целых три «тучных» десятилетия. Эх, благодатные были годы! Зарплаты росли, безработица на низком уровне, высшее образование, бывшее раньше привилегией богатых, стало доступно для детей из рабочих семей. Во Франции выросло число студентов, выходцы из рабочих окраин Парижа сидели на одной студенческой скамье с отпрысками из богатых семей, дети бедных эмигрантов в университетах водили дружбу с аристократами. В студенческую среду проникали революционные идеи: Маркса о социализме, Троцкого о мировой революции и Мао Цзэдуна о переходе к коммунизму с помощью коммун, в которых всё общее, от велосипеда до жены. От коммун с принципом всеобщего равенства и братства, было рукой подать до свободной любви, которая не зависит от старых условностей общества, именуемых моралью. Всё это происходило в пуританской Франции! В стране, где были отдельные школы для мальчиков и девочек, студенческие общежития также были раздельные. Первые волнения начались именно с требований допустить юношей в общежития девушек и легализовать аборт. Мирные демонстрации быстро переросли в столкновения студентов с полицией, они происходили не только в Париже, а во многих городах Франции. Власти вполне смогли бы справиться с ситуацией, однако, французский президент Шарль де Голль не нравился ЦРУ и парням из администрации президента США. Причина заключалась в том, что в 1965 году, Шарль де Голль переизбравшись на второй президентский срок, тут же объявил об отказе использовать доллар в качестве валюты при международных расчётах, и потребовал от США вернуть золотой запас страны. Французское золото было переправлено в Соединённые Штаты после того как Германия напала на Польшу первого сентября 1939 года – именно тогда началась Вторая мировая война. После окончания этой войны, согласно Бреттон – Вудскому соглашению, те европейские страны, которые перевезли в США своё золото во время Второй мировой войны, должны были его там и оставить. Президент де Голль, требуя вернуть французское золото, подавал остальным европейским лидерам плохой пример. Но и это не всё, Шарль де Голль вёл независимую от США политику, и 21 февраля 1966 года Франция вышла из военного блока НАТО. Штаб-квартира этой организации срочно покинула Париж, разместившись в Брюсселе, а ЦРУ стало разрабатывать операцию по смещению президента де Голля. Кадровый сотрудник ЦРУ Гонсалес Мата, работающий под псевдонимом «Лебедь», сошёлся с лидерами студенческих протестов, и стал их финансистом. Во Франции у де Голля было много противников, его считали главным виновником «сдачи» Алжира. Немало было тех, кто хотел его свалить, потому что демонстрациям студентов примкнули профсоюзы с требованиями отставки президента де Голля. Вот так и образовался «Красный май».

Бурлили Париж, Нант, Марсель и другие города Франции, однако гламурные Ницца и Канны были далеко от этих бунтов. Здесь люди по-прежнему веселились и наслаждались жизнью. Тихо было и в провинциальном городке Ментон: его жители, посмотрев в теленовостях о боях студентов с полицией в Сорбонне, вечером обсуждали всё в бистро Росалей.

С тех пор как Тео Лоранс уступил Омару Бадифу свою автомастерскую, тот расширил бизнес, открыв сеть автомастерских и пунктов проката автомобилей в Каннах, Ницце, Тулоне, Агде, Ла-Сьота и Франжусе. Теперь бизнес Омара Бадифа охватывал практически всё Средиземноморское побережье Франции. Клодин родила сына Амори и дочку Мари. Хотя Омар

²¹ Изречение из Талмуда.

хорошо зарабатывал, Клодин по прежнему работала в бланжери, помогая отцу. Омар и Клодин купили просторный дом на улице Марн, совсем рядом с бланжери и домом Ришара. Автомастерской в Ментоне руководил Тео, однако Омару нравилось работать руками, и он когда выдавалась свободная минутка, приходил к Тео.

Пообедав дома, Омар решил, что важных дел на сегодня не предвидится, и можно помочь Тео. У того заболел автослесарь Стефан Рамье, а работы много. Бадиф пришёл в мастерскую в тот момент, когда Тео пытался объясниться с каким-то американцем. Они стояли около синего «Фиат 124 Спайдер», на заднем сиденье которого сидела женщина. Капот автомашины был открыт.

– О чём разговариваете? – спросил Омар.

– У этого американца топливный насос сломался, а я это никак ему объяснить не могу, – поморщился Тео, – американец ни слова по-французски не понимает, я английский язык не знаю.

– He, don't know English. I can help you to translate,²² – обратился к американцу Омар.

– Well, finally, at least someone knows English,²³ – вздохнул тот.

– Mechanic says your fuel pump is broke,²⁴ – продолжил Бадиф.

– Will the repair take a long time?²⁵ – спросил американец.

– Let's go while we have some coffee and the mechanic will see your car.²⁶

Американец открыл дверцу и сказал женщине:

– Дарси, механик сказал, что сломался топливный насос. Нам предлагают подождать.

Омар подошёл к «Фиату» и сказал женщине:

– Добрый день мадам, меня зовут Омар Бадиф, я владелец этой автомастерской. Предлагаю вам выпить кофе, пока механик осматривает вашу машину.

– Дэвид Смит, – представился американец. Он кивнул на женщину и продолжил, – Это моя жена Дарси.

– Мы оставим машину, а в багажнике лежат чемоданы с нашими вещами, – недовольно сказала Дарси. Она посмотрела на работников мастерской: – Кто знает, что будет потом с ними, когда мы уйдём!

– Не беспокойся за свои бюстгалтеры, – рассмеялся Дэвид.

– Мадам не волнуйтесь за сохранность ваших вещей! – приложил руку к груди Омар. Он обвёл рукой вокруг и продолжил: – У меня на побережье несколько таких мастерских как эта, за всё время работы не было ни одного нарекания от клиентов. Обвинение в краже вещей клиента, просто убьёт мой бизнес.

– Моя жена устала, мы проехали всю Италию, – ответил Дэвид.

– Чашечка кофе взбодрит вас, – кивнул Омар. – Впрочем, может, вы хотите перекусить?

– Да уж, пару сэндвичей нам не повредили бы, – кивнула Дарси.

– Садитесь в мою машину, – кивнул Омар на автомашину «Ягуар Марк IX» припаркованную около автомастерской, – недалеко отсюда мой тесть держит кондитерскую, вы сможете перекусить там.

Омар крикнул Тео, осматривающего двигатель «Фиата»:

– Тео, я отвезу клиентов перекусить к Ришару. Как только определишься по времени с ремонтом, позвони туда.

В бланжери, Дэвид сказал:

²² «Он не говорит по-английски. Я могу помочь вам перевести».

²³ «Ну, наконец, хоть кто-то знает английский».

²⁴ «Механик говорит, что у вас сломан топливный насос».

²⁵ «Это надолго?»

²⁶ «Пойдёмте пока выпьем кофе, а механик посмотрит вашу автомашину».

– Мы едем в Ниццу, хотим провести там отпуск.

– Понимаю, – кивнул Омар, – Ницца, всемирно известный курорт с роскошными ресторанами и кафе. Если ваш доход больше двадцати тысяч долларов, то там вам будет не плохо. Однако здесь на побережье, пляжи везде одинаково красивы. Ментон с этой стороны ничуть не хуже Ниццы. Конечно там официанты знают английский язык, от того чопорны словно дворецкие британской королевы. У нас в бистро супругов Россаль кормят ничуть не хуже чем в любом кафе в Ницце, но втрое дешевле. Бокал шардоне в бистро Россалей стоит двадцать сантимов, а в Ницце за него вам придётся выложить франк. Впрочем, вероятно у вас приличный доход, потому езжайте в Ниццу.

– Отдохнуть так, как мы хотим, мы можем себе позволить, – ответил Дэвид, – мы не бедные люди, имеем приличный доход.

– Сержант с приличным доходом, – презрительно засмеялась Дарсия.

– Но конечно мы не богаты, – покраснел Дэвид.

– Вот и отлично! – улыбнулся Омар. Он выпил свой кофе: – Значит вы нормальные ребята, ибо богачи не могут быть таковыми.

– Почему?! – удивилась Дарсия.

– Как говорит мой тесть Ришар Лоранс: «Кто любит серебро, тот не насытится серебром»²⁷.

– Разве это твой тесть сказал?! – искренне удивился Дэвид.

– Я слышал это от него, – пожал плечами Омар, – но все мы люди, и раз нам не суждено быть богатыми, то мы можем выглядеть таковыми. Остановившись у нас в Ментоне, никто не момешает вам съездить в Ниццу. Сделайте пару снимков в отеле «Ле Негреско», где любят отдыхать толстосумы.

В это время зазвонил телефон, Клодин, стоя за прилавком, позвала:

– Омар, это Тео.

– Одну минутку друзья, – Омар подошёл к телефону.

Переговорив, вернулся за столик к своим новым знакомым.

– Звонил механик из гаража, – сказал он, – потребуется два дня, что бы поменять топливный насос, у нас таких не найти, всё же у вас «Фиат», а не «Ситроен» или «Рено».

– Ну, вот мы и остались без машины, – вздохнул Дэвид.

– Это не беда, – махнул рукой Омар, – возьмёте на пару дней автомобиль в прокат. В Ницце у меня пункт проката автомобилей.

Он улыбнулся:

– Что бы поддержать ваш имидж богачей, я сдам вам в аренду «Бентли S2», причём цена за аренду будет как у «Фиата», вот вы и тут сэкономите.

Дарсия захлопала в ладоши:

– Я буду фотографироваться в Ницце возле «Бентли»!

– Вот и прекрасно, – кивнул Омар, – теперь поехали в мастерскую, заберём ваши вещи и я отвезу вас в отель. Завтра в девять часов утра, я заеду за вами и отвезу в Ниццу за автомобилем.

Когда ехали из автотермина в отель, Дэвид рассказывал:

– Мы всего год в Италии, до этого были в Штатах.

– Ну и как вам Италия?

– Итальянцы несносны, – пожаловалась Дарсия.

– Откуда ты успела узнать итальянцев?! – рассмеялся Дэвид. Он пояснил Омару: – Мы живём в городке на базе, с местными практически не общаемся.

– Когда ехали через Италию, успела насмотреться на них, – зло ответила Дарсия.

²⁷ Тут уважаемый Омар Бадиф ошибается, первым эту мысли высказал не его тесть. Фраза взята из книги Екклесиаста входящей в Ветхий завет.

– Ах, вон оно что, – кивнул Дэвид.

«Он, вероятно, служит на военной базе около Сан Вито деи Нормани, – подумал Омар, – хотя этой вздорной бабёнке, итальянцы могли не понравиться, даже, если они ехали из Авиано²⁸».

– В Италии в каких городах останавливались? – спросил Омар.

– Дарси не любит итальяшек, – улыбнулся Дэвид, – потому мы проехали Италию за три дня, а у вас в Ментоне машина сломалась.

«Значит, они приехали из Сан Вито деи Нормани, и за три дня, как раз проехали девятьсот с лишним километров, от Авианы расстояние вполовину меньше. В Сан Вито деи Нормани находится служба разведки ВВС США. Интересный ты парень Дэвид Смит, хорошо, что я подружился с тобой».

– Всегда уважал военных, – улыбнулся Омар. – Однажды пробовал стрелять из автомата «Стэна», так железным прикладом отбил себе ключицу. После чего, решил никогда больше не брать в руки оружия.

– Современная война это не только танки, пушки и самолёты, но прежде всего связь, – ответил Дэвид, – а связь нужно кодировать. Русские же тоже не дураки, и отслеживают наши переговоры, так что в нашем деле головой, а не руками работать надо. Теперь в армии мозги в большом почёте.

– Дэвида шеф очень ценит, он даже обещал его через несколько месяцев перевести в Париж, – вставила Дарси.

– Не жалко менять солнечную Италию на слякотный Париж? – поинтересовался Омар.

– В Италии у меня нет перспектив, – вздохнул Дэвид, – так и останусь штаб-сержантом. Мой шеф переводится в Париж, обещает взять меня с собой, здесь формируются штаты, и я получу должность помощника начальника смены, значит, присвоят сержанта 1-го класса. Во-первых, это прибавка к жалованью в двадцать долларов, и потом на узле связи, работа чисто техническая, значит, большой шанс получить через год уорен-офицера²⁹. Должность начальника узла связи в Париже получит мой старый сослуживец, он обещал мне продвижение по службе.

Слушая Смита, Омар Бадиф тут же анализировал всё сказанное. С 1966 года Франция прекратила военное сотрудничество с НАТО, оставляя только политическое взаимодействие, а оказывается, в Париже организуется какой-то узел связи армии США.

– Ну, вот мы и приехали, – сказал Омар, – это отель «Лемон». До пляжа пять минут ходьбы, до Монако пятнадцать минут езды, до Ниццы сорок. Завтра в девять часов утра, я за вами заеду.

Омар достал из кармана рубашки свою визитку и подал её Дэvidу:

– Здесь все номера телефонов, по которым вы можете меня разыскать.

– Спасибо тебе Омар, – поблагодарил Дэвид.

– Пустяки, – улыбнулся Омар, – весь мой бизнес строится на оказании помощи людям.

Дэвид и Дарсия отправились в отель, а Омар поехал к себе в автомастерскую.

«Нужно будет начать сбор информации об этом узле связи, – решил Омар, – в Центр о нём пока сообщать рано».

²⁸ В Италии имеется две военные базы США. На авиабазе ВВС США около городка Авиана дислоцируется 31-е истребительное авиакрыло, (в американское авиакрыло входит двадцать самолётов). На авиабазе Сан Вито деи Нормани, крыло авиабезопасности № 6900, в которое входят самолёты электронной разведки. Так же там находится служба безопасности ВВС США, куда входят шифровальная служба, а также службы радиоперехвата, спецсвязь и служба безопасности.

²⁹ Уорен-офицер – в армии США, звание промежуточное, между сержантским и офицерским. Аналог звания прапорщик в ВС РФ. Однако в отличие от армии России, звание уорен-офицера присваивается только техническим специалистам. Уорен-офицеры не занимают командных должностей как прапорщики в армии РФ.

Омар улыбнулся: «Конечно, каждый мечтает найти самородок, однако удача улыбается только тому, кто терпеливо просеивает груды песка, в поисках крупницы информации».

Но, как известно, случай всегда подворачивается тому, кто его может организовать. Едва Омар подъехал к своей автомастерской, из бокса вышел Тео:

– Звонила Клодин, – сказал он, – приехал месё Шевеньи, он очень хочет видеть тебя и ждёт в бланжери Ришара.

Было пять часов вечера, и Ришар Лоранс выпавшись после ланча, сидел за столиком вместе с месё Шевеньи. Они пили кофе и вели неспешную беседу о падении нравов у молодёжи.

– Избаловали мы своих детей, – вздохнул Ришар, – вот они и кидаются камнями в полицейских.

– Не могу с вами не согласиться месё Лоранс, – кивнул Марсель Шевеньи, голубоглазый господин с лицом аристократа, лет сорока пяти, – я вижу это по своему сыну. Послушать его, так ходить каждый день на службу, это отжившее своё, буржуазная мораль.

– А как нужно жить? – насмешливо спросил Ришар.

– Курить марихуану и тискать девиц в их коммунах, – поморщился месё Шевеньи, – причём всё общее, и наркотики и девицы.

– Обсуждаем конфликт отцов и детей? – спросив Омар, сев к ним за столик. Обернувшись к прилавку, он сказал: – Клодин, принеси, пожалуйста, кофе.

Улыбнувшись, Ришару и месё Шевеньи, продолжил:

– Господа, обсуждать вашу проблему не могу, я столкнулся с ней лет через пятнадцать, когда мои дети подрастут.

– Вот и хорошо, – оживился месё Шевеньи, – поговорим о вещах более приятных. Месё Бадиф, вы, когда по делам намереваетесь съездить во Фрежюс?

– Я был там вчера, и в ближайшие дней десять, мне там делать нечего.

– Очень жаль, – опечалился Марсель Шевеньи.

– А в чём дело? – спросил Омар. Клодин поставила перед ним чашку с кофе. Он накрыл ладонью её руку и сказал: – Спасибо.

Клодин ничего не ответила, лишь положила ему руку на плечо, а потом пошла к себе за прилавок.

– Во Френжюсе живёт бывший судья Карл Боне, – стал рассказывать месё Шевеньи, – у него в сарае стоит «Савчик-Буччиали TAV-8». Таких автомобилей было собрано всего двадцать штук, в период времени с 1929 по 1932 годы. Потом Савчик и братья Буччиали больше не работали.

– За три года собрали всего двадцать автомобилей?! – изумился Ришар.

– В двадцатые годы во Франции было множество фирм производящих автомобили, но при этом, каждый из автомобилей получался уникальным. Это ведь американец Форд додумался вести сборку на конвейере, потому и стали автомобили выпускать тысячами. У нас во Франции в двадцатые-тридцатые годы, производители автомобилей собирали лишь двигатель и раму, а клиент по своему усмотрению придумывал дизайн кузова. Три года автомобилестроители Буччиали сотрудничали с дизайнером-краснодеревщиком Савчиком.

– Странная фамилия, – заметил Омар.

– По настоящему его фамилия зазвучит Савчук, – ответит Марсель Шевеньи, – он из России, во Францию приехал в начале века, и стал Савчиком.

– Как же вам удалось узнать, что у судьи Боне есть такой автомобиль? – спросил Лоран.

– Каюсь, – положил руку на грудь месё Шевеньи, – воспользовался своим служебным положением.

Марсель Шевеньи служил начальником отдела в DST. Служебная инструкция категорически запрещает сотрудникам французской службы контрразведки сообщать посторонним о

принадлежности к этой организации. Однако друг детства месьё Шевеньи – адвокат Патрик Дюран в присутствии Омара не раз подшучивал над профессией Марселя, так что он перестал делать из этого тайну.

– Хорошо месьё Шевеньи, завтра у меня с утра небольшое дело в Ницце, – Омар допил свой кофе, – потом мы поедем с вами во Фрежюс.

– В этом-то и вся загвоздка, – вздохнул Марсель Шевеньи. Он заговорщицки посмотрел на Омара и Ришара, потом продолжил: – Можно сказать, что я сбежал сюда. Был по делам в Марселе, вот и заехал к вам. Теперь мне нужно возвращаться обратно.

Шевеньи посмотрел на часы:

– Через час мой поезд, – он посмотрел на Клодин, – мадам Баdif, будьте так любезны, вызовите, пожалуйста, мне такси.

– Не нужно такси, – улыбнулся Омар, – я сам отвезу вас на вокзал. Выпьем кофе и поедем.

– Кофе пейте без меня, – сказал Ришар, вставая, – раз сегодня мне не надо сидеть с внуками, то пойду в бистро Росалей, пропущу пару стаканчиков и сыграю с трак³⁰.

Когда они остались одни, Баdif спросил:

– Месьё Шевеньи, а почему вы не позвонили мне по телефону и не попросили съездить во Фрежюс?

– Телефон в таких делах не подходит, – улыбнулся Марсель Шевеньи, – мне нужно посмотреть вам в глаза.

– А вы психолог, – рассмеялся Омар.

– Профессия обязывает, – улыбнулся Шевеньи. Он наклонился к Омару и заговорил: – Месьё Баdif, я вас умоляю, об автомашине в сарае судьи Боне, ничего не говорите Патрику. В Нанте живёт отличный краснодеревщик, он сделает салон и кузов, а ходовую и двигатель я надеюсь, вы с Тео мне восстановите.

Шевеньи рассмеялся и продолжил:

– Я хочу сразить Патрика наповал, когда прокачу его в новеньком «Савчик-Буччиали».

– Хорошо, завтра я осмотрю вашу находку, а потом дам вам подробный отчёт, можно ли её восстановить и сколько это будет стоить.

Адвокат Патрик Дюран любил собирать раритетные автомобили. Как-то Омар и Тео Лоранс отремонтировали ему «Cord L 29», после этого Омар подружился с Патриком, а тот уже свёл его с влиятельными бизнесменами и политиками. Многие из них так же были любители ретро-автомобилей.

– Жаль, что я не могу съездить с вами в Френжюс, – вздохнул Марсель Шевеньи, – очень много работы. Американцы строят в Париже какое-то здание. Естественно им всюду мерещатся русские шпионы. У нас в конторе к этой стройке особое внимание.

Он рассмеялся:

– Эта лиса Леру, каким-то образом пронюхал о стройке, – Марсель Шевеньи пожал плечами, – хотя чему тут удивляться, у него в Сарселе³¹ всё схвачено. Понятно, каким образом строительный подряд достался ему.

Бернар Леру был владельцем строительной компании и также любитель раритетных автомобилей.

Каждый четверг в десять часов вечера у Омара была связь с Центром. Вечером он расположился в своём домашнем кабинете, разложив бумаги на столе. Вошла Клодин.

– Долго ещё ты собираешься тут сидеть? – спросила она.

³⁰ Трак – игра напоминающая нарды, однако целью в этой игре является не сбор шашек в противоположном углу, как в нардах, а размещение их по всему полю соперника.

³¹ Сарсель – небольшой городок в семнадцати километрах от Парижа.

– Нужно просмотреть финансовый отчёт. Не хочется растягивать это скучное занятие на несколько дней.

– Тогда я пойду спать.

– Хорошо, я лягу тихо, что бы не разбудить тебя, – ответил Омар.

– Можешь и разбудить, – Клодин взъерошила волосы Омару и ушла.

Бадиф ещё минут двадцать просидел за отчётом, потом отложил бумаги в сторону, взял стоящий здесь же транзисторный приёмник «Филипс», снял заднюю крышку. В приёмник было встроено наборное устройство. Омар набрал текст шифровки на нём, потом перевёл рычажок на передачу. За несколько секунд текст радиogramмы «выстрелил» в эфир. Омар закрыл крышку транзистора. В туалете он порвал текст радиogramмы и выбросил обрывки в унитаз.

«Поистине про меня сказано: «Ты молчишь лучше, чем говоришь»», – подумал он, смывая воду в унитазе.

3. Троя и её Конь

Лубянка в топонимике Москвы появилось в 1480 году, в то время Иван III, разгромив новгородскую республику, переселил из Великого Новгорода в Москву десяток влиятельных новгородских семей, что бы они были на виду у московского царя. Новгородцы, тоскуя по родному городу, место, где они поселились в Москве, назвали Лубяница. Так в Великом Новгороде звалась улица на Торговой стороне. Шли годы, сыновья привезённых новгородцев стали служить московскому царю, а московская Лубяница трансформировалась в Лубянку.

Летели годы, шли столетия, и в 1894 году правление страхового общества «Россия» приобрело земельный участок на стыке Лубянской площади с улицами Малая и Большая Лубянка. Под руководством архитектора Александра Васильевича Иванова, здесь в 1900 году построен дом, во внутреннем дворе которого возведено двухэтажное здание, ставшее гостиницей. Московские девицы лёгкого поведения использовали номера в этом отеле для встреч со своими клиентами. Здание на Лубянской площади страховое общество превратило в доходный дом. Первый этаж сдавался в аренду под магазины и пивные, а верхние были жилыми.

В октябре 1917 года в Российской империи случилась революция. Власть в центре России захватили большевики. Установленная ими диктатура, именовалась Советской властью. Дом на Лубянской площади у страхового общества «Россия», реквизируют, так как большевики не признавали частной собственности. В мае 1919 года в этом здании разместилась Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК).

Молодая Советская власть организовала ВЧК для борьбы с внутренними врагами, которых у большевиков было много. В России в то время полыхала Гражданская война, Советская власть действовала лишь на небольшой территории вокруг Москвы и Петрограда. В этих условиях, ВЧК была прообразом службы безопасности, какая есть у любого государства, хотя назвать государством, те губернии, которые были под властью большевиков, было никак нельзя.

В 1921 году в России отгремела Гражданская война, образовалось новое государство – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР). ВЧК взяла на себя функции обеспечения безопасности молодого государства, следовательно, нужно было вести дознание по делам антигосударственной направленности. Раз ведётся следствие, должны быть и подследственные, а их нужно где-то содержать. Бывшая гостиница во дворе здания №2, в номерах которой проститутки любили принимать своих клиентов, была превращена в тюрьму. Так как гостиница находилась внутри двора, тюрьма получила название «внутренняя тюрьма». Однако следственно арестованных становилось всё больше и в двухэтажной гостинице они больше не умещались, на внутренней тюрьме возвели ещё четыре этажа. Заключённых нужно выводить на прогулку, а места для устройства прогулочного двора нет. Был найден простой и оригинальный способ – прогулочный двор организовали на крыше тюрьмы, а заключённых туда доставляли на лифте.

Шли годы, круг зачат для ВЧК увеличивался, теперь нужно было ещё и защищать границы государства. В феврале 1922 года ВЧК переименовали в Главное политическое управление (ГПУ). Молодое государство присоединило к себе новые территории, и разрослось почти до размеров Российской империи. В декабре 1922 года это государство стало называться Союз Советских Социалистических Республик (СССР). Первоначально в Союз вошли четыре республики – РСФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР и Закавказская федеративная социалистическая республика (ЗВФСР), в которую вошли Грузия, Армения, Азербайджан, Абхазия и Осетия. В каждой республике было своё ГПУ, поэтому эта служба с 15 ноября 1923 года стала именоваться Объединённое главное политическое управление (ОГПУ), при Совете народных комиссаров (СНК) СССР.

В 1934 году был организован Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), и ОГПУ вошло туда отдельной структурой, которая стала именоваться Главное управление государственной безопасности (ГУГБ). В феврале 1941 года ГУГБ выделили из НКВД и преобразовали в Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ). Однако с началом Великой Отечественной войны, в июле 1941 года НКГБ и НКВД объединили в единую структуру, так как сотрудники уходили на фронт, и чтобы сократить административный аппарат, оба комиссариата слили в единый орган. В феврале 1943 года НКВД и НКГБ вновь разделили. В марте 1946 года все комиссариаты были преобразованы в министерства, и НКГБ было переименовано в министерство государственной безопасности (МГБ), а НКВД соответственно в МВД.

В марте 1954 года в структуре МГБ, подразделения занимающиеся разведкой и контрразведкой было переименовано в Комитет государственной безопасности (КГБ), после чего Комитет был выведен из состава МГБ, а вскоре министерство безопасности было расформировано. Внутренние войска,³² бывшие в подчинении МГБ, были переданы в министерство внутренних дел, а погранвойска вошли в КГБ.

За несколько десятилетий не только служба безопасности Советского Союза претерпела изменения, менялось и здание на Лубянской площади, впрочем, в 1926 году Лубянская площадь была переименована в площадь Дзержинского. В 1932-1933 годах по проекту архитекторов Лангмана и Безрукова, к дому №2 было пристроено ещё два здания. Теперь весь комплекс зданий имел форму буквы Ш. Фасад старого здания выходил на площадь Дзержинского, фасад одного нового дома на Фуркасовский переулок, а торцом эти два новых здания выходили на Большую и Малую Лубянки.

В зависимости от решаемых задач в КГБ было создано восемь главных управлений:

Первое главное управление (ПГУ) занималось разведкой.

Второе главное управление – контрразведкой.

Третье главное управление занималось вопросами контрразведки в вооружённых силах СССР – так называемые Особые отделы в армейских частях и флотских экипажах.

Четвёртое главное управление – занималось безопасностью на транспорте

Седьмое главное управление – служба наружного наблюдения

Восьмое главное управление занималось шифрованием/ дешифрованием, а также правительственной связью. Это управление было организовано в 1954 году, после этого структура КГБ неоднократно менялась, а нумерация управления сохранилась, хотя и был нарушен порядок цифр.

Девятое главное управление – «девятка», занималось охраной первых лиц государства.

Главное управление пограничных войск – охраняло рубежи СССР.

Днём рождения ПГУ КГБ СССР является 20 декабря 1920 года, когда руководитель ВЧК Феликс Дзержинский подписал приказ № 169 о создании Иностранного отдела (ИНО) ВЧК. Прошло время, и Иностраный отдел разросся до главного управления, в структуре которого в свою очередь было восемь управлений и три службы.

Управление «Р» – занималось анализом информации и оперативным планированием операций. Именно здесь разрабатывались мероприятия, проводимые ПГУ, учитывались все мельчайшие детали в планируемых операциях.

Управление «К» – занималось вопросами внутренней контрразведки в ПГУ.

Управление «С» – осуществляло руководство нелегальными разведчиками.

Управление «ОТ» – занималось оперативно-техническим прикрытием операций проводимых ПГУ.

Управление «И» – компьютерная служба, она была организована в 1955 году.

³² Внутренние войска (ВВ) – ныне это войска Росгвардии.

Управление «Т» – занималось научно-технической разведкой. Так называемый «промышленный шпионаж». Это было самое молодое управление в ПГУ. В 1957 году при Председателе Совета министров СССР была организована Государственная комиссия по военно-промышленным вопросам во главе с Дмитрием Устиновым, и одновременно было организовано Управление «Т». Комиссия Устинова, собирала заявки по министерствам, и по ним Управление «Т» составляло план мероприятий для добычи технологий и конструкторских решений по всему миру.

Управление «РТ» – разведка с территорий. В этом управлении разрабатывались операции, которые ПГУ проводило на территории СССР.

Имелось в структуре ПГУ три службы:

Служба «А» – служба активных мероприятий. Сотрудники этой службы проводили тайные операции за рубежом.

Служба «Р» – радиосвязь.

Служба «А» при Восьмом главном управлении – это подразделение занималось шифрованием и дешифровкой. Сотрудники этой службы оперативно подчинялись руководству ПГУ, однако числились в штате Восьмого главного управления.

Начальник Управления «С» одновременно являлся заместителем ПГУ КГБ СССР. В 1968 году управлением руководил генерал-лейтенант Лазарев. Его заместитель генерал-лейтенант Абердин получил радиogramму от агента «Учитель» (именно так был закодирован Омар Бадиф):

«В городке Сарсель под Парижем, американское военное командование ведёт строительство узла связи. Информация получена от штаб-сержанта армии США Дэвида Смита. В настоящее время Смит служит на базе ВВС США в Сан Вито деи Нормани в Италии, и ожидает перевода в Париж в ближайшие месяцы. Контролирует режим секретности на строящемся военном объекте США – начальник отдела DST Марсель Шевеньи. В строительстве узла связи участвует французская компания «VHL Promotion» владелец и директор Бернар Леру».

Выписав все имена, указанные в радиogramме на отдельный листок, Абердин взял трубку телефона прямой связи с начальником управления.

– Анатолий Иванович, не поверишь, захотелось послушать рассказы о твоих подвигах в Париже, – сказал Абердин, едва начальник отозвался.

– Заходи Виталий Александрович, хвастаться я люблю, – рассмеялся Лазарев.

Абердин положил в папку радиogramму Учителя и пошёл к Лазареву. Тот с 1959 по 1966 годы был руководителем резидентуры КГБ в Париже. Он принимал участие в операции «Карфаген», именно за эту удачно проведённую операцию, генерал Лазарев получил повышение и возглавил Управление «С». В ходе операции «Карфаген», ПГУ КГБ удалось завербовать сержанта армии США Роберта Ли Джонса, после чего его внедрили в диспетчерский центр НАТО находящийся в Париже. Пошла такая серьёзная информация, что её обрабатывал лично начальник Управления «С» генерал Александр Сахаровский. По существу ПГУ КГБ смогло читать все оперативные планы НАТО. В декабре 1963 года Роберт Ли Джонсон получил повышение и был отозван в Вашингтон. В ПГУ рассчитывали продолжить работу с ним. Но 4 февраля 1964 года офицер Второго главного управления КГБ Носенко, находясь в Женеве, пришёл в посольство США, и попросил политического убежища. С ним работали сотрудники ЦРУ, и Носенко сдал несколько десятков агентов КГБ, в том числе и Роберта Ли Смита, который в США был осуждён на тридцать лет тюрьмы. В феврале 1966 года Франция прекратила военное сотрудничество с НАТО, и американцы убрали из Парижа свой диспетчерский центр.

– Учитель сообщает, что американское командование строит какой-то узел связи в Париже, – сказал генерал Абердин, подавая радиogramму Омара Бадифа.

– Значит, американцы уже списали президента де Голля со счетов, раз ведут строительство военного объекта в Париже, – усмехнулся Лазарев.

– Может быть и так, – кивнул Абердин, – а возможно Париж им просто удобен как центр Западной Европы.

– Не будем гадать. Вот что Виталий Александрович, пусть Учитель изучит Дэвида Смита, его привычки, предпочтения, характер. Нужно проработать возможность подхода к этому Смигу.

– Понял, – кивнул Абердин, делая пометки в ежедневнике, – начнём прорабатывать операцию по внедрению нашего агента в этот узел связи.

– История повторяется, – улыбнулся Лазарев, – в прошлый раз операция именовалась «Карфаген», в этот раз, предлагаю назвать её «Троя».

– Тогда Дэвида Смита закодируем как Конь, – предложил Абердин, – слово «троянский» в целях конспирации опустим.

4. Умножает познания

Поздно вечером над Ментоном разразилась гроза. Омар Бади́ф сидел в своём домашнем кабинете, жене он сказал, что ему нужно поработать над чертежами автомобиля одного из клиентов. Сегодня он ждал радиogramму из Центра. Транзисторный приёмник Омара был настроен на волну радиостанции «Европа 1». Диктор Патрик Топалов, сидя в студии рассказывал о студенческих волнениях, он сыпал плоскими шутками и уверял, что ведёт репортаж с «красных баррикад Парижа».

Ровно в двадцать три сорок, Омар открыл заднюю крышку транзисторного приёмника и перевёл рычажок на приём. Тотчас же речь Топалова стала глуше, и явственно послышался другой голос, который читал цифры. Омар записывал их в столбики. Наконец диктор закончил читать свои цифры, и Бади́ф перевёл рычажок на «0», после чего бодрый голос Патрика Топалова возвестил:

– Разгоняя демонстрации, полиция резиновыми дубинками указывает молодёжи путь, куда им двигаться, ибо как сказал мне один мой знакомый: «Я стал полицейским, потому что с детства мечтал получить такую профессию, при которой мой клиент будет всегда не прав».

Омар перевёл рычажок на передачу и передал: «1968», эти цифры означали, что радиogramма Центра принята. После чего он опять выставил рычажок на «0», и закрыл заднюю стенку транзисторного приёмника, теперь это обыкновенный радиоприёмник. Омар достал книгу Жоржа Перека «Человек, который спит» и стал расшифровывать радиogramму.

« Учителю.

Необходима более подробная информация о Дэвиде Смите: его привычки, пристрастия и т.д. В дальнейшем он будет закодирован под псевдонимом «Конь». Также прошу сообщить всю имеющуюся у вас информацию по узлу связи американского военного командования в Париже. Однако от активных действий с целью получения информации в этом направлении воздержитесь. В дальнейшем этот узел связи кодируется как «Троя». Последующий приём-передача по 102-105.

Директор».

Кодирование радиопередач происходило по книгам. Это были романы модных французских писателей. Раз в три месяца Омар получал указание, какую книгу ему приобрести. В конце каждой передачи указывалась страницы в книге, которые будут служить ключом для кодировки радиogramм. Уничтожив радиogramму из Центра, Омар отправился спать.

Отгремев, гроза умыла дождём Ментон, напоив город утренней прохладой. Омар решил утром заглянуть в автомастерскую к Тео. Столковавшись с судьёй Боне, Марсель Шевеньи купил у него «Буччиали-Савчик ТАV-8», и перевёз машину в автомастерскую Тео.

Омар и Тео осмотрели машину, и поняли, что не могут разобраться с шасси «Буччиали», оно представляло собой винегрет из странных конструкторских решений, которые давно не применяются в автомобилестроении. Пришлось Омару засесть за справочники, и наконец, он установил, что фирма братьев Буччиали в двадцатые годы выпустила брошюру с подробным описанием конструкции своего автомобиля. Омар связался с мессьё Шевеньи, и тот раздобыл в Париже один из экземпляров такой брошюры. Простудировав её, Омар разобрался с конструкцией шасси «Буччиали». Теперь следовало всё объяснить Тео.

Омар и Тео стояли в смотровой яме, их позвал Стефан Реми:

– Там пришёл американец, который оставил свой «Фиат», – сказал он.

– Хорошо, что ты оказался в мастерской в этот момент, – Тео вытер руки тряпкой, – растолкуй этому парню, что его автомобиль будет готов завтра, после обеда.

– Почему завтра? Ты же обещал за два дня отремонтировать?!

– На складе у Жако не оказалось масляных насосов для «Фиата», он обещал завтра к девяти часам подвести.

– Ну что ж делать, пойду извиняться за задержку перед американцем, – развёл руками Омар.

Дэвид Смит стоял возле конторки.

– Здравствуй Дэвид, мне неудобно говорить тебе это, но твоя машина будет готова только завтра, после обеда, – сказал Омар, здороваясь со Смитом, – поставщик подвёл нас.

– Очень жаль, – вздохнул Дэвид, он был явно чем-то удручён.

– Неужели тебя так расстроила эта задержка?! – удивился Омар. – Ведь ты же на отдыхе.

– Да не в этой чертовой машине дело! – досадливо махнул рукой Смит. Он грустно улыбнулся: – Я поругался с Дарси.

– Ссоры с женой неизменный атрибут нашей жизни, – развёл руками Омар, – пойдём, посидим в кафе, в такой ситуации, нет ничего полезнее, чем разговор с другом. Надеюсь, Дэвид, ты позволишь мне считаться твоим другом?

Выпив виски, Дэвид Смит разоткровенничался:

– Знаешь Омар, я неудачник, – заметил он, вздохнул и продолжил, – но говорить такое про себя я никому не позволяю. По этой причине и произошла ссора с Дарси.

Дэвид посмотрел на Данафа и продолжил:

– Бармен, человек, который понимает тебя лучше, чем жена, в моём случае, вместо бармена ты, тебе я изливаю душу, а Дарси сидит обиженная в нашем номере.

– Ничего, в данном случае, время лучший лекарь, – усмехнулся Омар, – пока ты сидишь со мной, Дарси успокоится, и вы помиритесь.

– Конечно, так и будет, – кивнул Дэвид, – однако причина нашего скандала во мне, в моём неумении пробиться в этой жизни.

– Я не понимаю тебя, – Омар Бадиф отпил свой виски, – ты же говорил, что у тебя блестящие перспективы на службе.

– Они были бы блестящими, случись десять лет назад, – криво усмехнулся Смит, – я долгие годы хожу в звании штаб-сержанта. Те, кто был в подчинении у меня уже уорент-офицеры. Кое-кто и в лейтенанты выбился, и поверь Омар, они не умнее меня, а многие полные идиоты. Но взлетели они, а не я.

– Почему же тебе не везёт?

– Верно, говорят: «Будь вежлив с каждым. Никогда неизвестно, кто попадёт в число двенадцати присяжных». В своё время я нагрубил одному парню, а он поднялся по службе. У него оказались длинные руки, и в моём личном деле появилась запись о неуживчивом характере.

– Вот уж чего не сказал бы о тебе! – покачал головой Омар. – Хотя я знаю тебя всего несколько дней, но поверь мне Дэвид, я разбираюсь в людях, ты отличный парень.

– Жаль, что ты не входишь в число моих начальников, – усмехнулся Смит.

– Но ты говорил, что в Париже у тебя прекрасные перспективы?!

– Они были бы хорошими, предложи мне эту работу лет пять назад, – покачал головой Смит. Он подозвал официантку и заказал себе ещё виски, а когда она отошла, продолжил: – В своё время у меня были прекрасные перспективы по службе, но людская глупость и злоба поставили крест на моей карьере. За пятнадцать лет безупречной службы я смог подняться лишь в штаб-сержанты. Теперь все мои мысли о пенсии, а на пенсию хорошо идти с солидным банковским счётом. Там ведь придётся начинать всё заново. Это легко делать, когда тебе двадцать пять лет, а в сорок пять, всё значительно усложняется.

Официантка принесла виски Дэвиду, он сделал глоток и продолжил:

– Грустно осознавать себя пустым местом, не хочется жить без пользы.

– Согласен с тобой, – кивнул Омар. Он усмехнулся: – Не зря же говорят:

«Жить бесполезно, лучше уж не жить».

На ровном месте кочкою служить».

– Как ты говоришь? – рассмеялся Дэвид. – Точно про меня, кочка на ровном месте.

Омар Бадиф залпом выпил своё виски.

«Вот так и проваливаются, – подумал он, – остаётся надеяться на то, что штаб-сержант армии США Дэвид Смит никогда не слышал о татарском поэте Мусе Джалиле. Вот до чего, может довести любовь к поэзии!»

– Всё же Дэвид я думаю, ты не прав, предаваясь чёрной меланхолии, – заметил Омар, – жизнь прекрасна. Пусть у тебя нет большого банковского счёта, не это главное. Деньги дело наживное, была бы голова и руки.

– Хотелось бы надеяться на это, – вздохнул Смит.

Он заявил, что ему пора мириться с Дарси, а Омар отправился завтракать в бистро Росалей.³³ После чего вернулся в автомастерскую, и стал работать с автомашиной «Буччиали». В четыре вечера он заглянул в буланжери к Клодин.

– Я сегодня с утра выпил виски с тем американцем, что оставил в мастерской Тео свой «Фиат», – сказал Омар, целуя жену, – весь мой сегодняшний график летит к чертям. Ну, ничего страшного, срочных дел у меня нет. Могу даже помочь тебе.

– Ты мне здесь только мешать будешь, – Клодин поцеловала мужа в губы, – иди лучше забери детей из садика, а отец отдохнёт лишние полчаса.

Во французских провинциальных городках детей из садика принято забирать в четыре часа дня. Ришар Лоранс после ночной выпечки хлеба, ложился спать в восемь часов утра, вечером он забирал детей из садика и сидел с ними до прихода Омара или Клодин.

– Хорошо, – кивнул Омар и направился на улицу Революции. Детский сад в Ментоне находился в здании городской школы.

Едва Омар с детьми пришёл домой, зазвонил телефон.

– Добрый день месье Бадиф, это Боссе вас беспокоит.

– Вы просто ясновидящий месье Боссе, – рассмеялся Омар, – я только что пришёл домой, обычно я так рано дома не бываю.

– Увы, месье Бадиф, я не волшебник. Наш общий друг Марсель Шевеньи дал мне телефоны в Ментоне, по которым вас можно разыскать. Я позвонил в бланжери, и ваша жена сообщила, что вы только что ушли за детьми в детский садик. Я решил, что полчаса вам хватит, что бы забрать детей и прийти домой, – месье Боссе рассмеялся, – чистая аналитика и никакого волшебства.

– Это слишком просто и лишено таинственности, – заметил Омар.

– Учту, и впредь буду напускать в таких ситуациях больше туману, – пообещал Боссе, – месье Бадиф, я вот по какому поводу звоню, в эту субботу мы с женой своём загородном доме собираем друзей. Я хотел бы пригласить вас.

– Почту за честь месье Боссе.

– Будьте демократичнее, – рассмеялся тот, – мы не на приёме у президента де Голля. Добрые друзья обходятся без таких высокопарных фраз. Кстати, как у вас продвигаются дела с «Буччиали-Савчик»?

– Вы ставите меня в неловкое положение месье Боссе.

– Знаю, но мне о своём приобретении рассказал сам Марсель Шевеньи. Ведь это я помог ему раздобыть ту брошюру, которая вам потребовалась для ремонта «Буччиали».

– Возможно, но на меня месье Шевеньи наложил обет молчания.

³³ Утром за завтраком французы выпивают чашку кофе с бутербродом. Зовётся это малым завтраком «le petit déjeuner». Обед, у французов зовётся завтраком, «le déjeuner», обычно он бывает с 12.00. по 13.00 часов, состоит из закусок, салата, мясных или рыбных блюд, сыра и кофе.

– Марсель меня предупредил, что вы примерно так и скажете, – усмехнулся Боссе, – между тем, секретность в этом деле касается только Патрика Дюрана. Во мне Марсель конкурента не видит, потому и похвастался своим приобретением. Кажется, я заболтался, всего хорошего месье Омар, жду вас с супругой в субботу в шесть часов вечера.

С Жаном-Пьер Боссе его познакомил в Ницце адвокат Патрик Дюран. В разговоре промелькнуло, что Боссе является сотрудником МИДа Франции. Омар запросил Центр информации о Боссе. Москва ответила, что тот является руководителем отдела в Службе систем информации и связи Генеральной дирекции по административным вопросам МИД Франции. Центр рекомендовал укрепить контакты с ним.

«Ну что ж, поедem в Париж, – решил Омар, – как говоритьcя: «Умножая познания, умножаем скорбь». Будем умножать познания, и хотелось бы обойтисcь без скорби».

5. Сердце алчущего

За время существования ГУГБ НКВД испытало множество «чисток» – кровавых, (в которых чекистов их коллеги расстреливали сотнями), и не очень (обходились несколькими десятками расстрелянных). Первые чистки начались в 1936 году, когда вскрылось, что нарком НКВД Ягода участвовал в заговоре. Генрих Ягода не был политическим противником Сталина, но ему хотелось занять его место. В те годы заговоры устраивали все – сторонники Троцкого, военные с Тухачевским во главе, решил «половить рыбку в мутной воде» и Генрих Ягода. Однако Сталин переиграл их всех, и в сентябре 1936 года Ягода был снят с поста наркома НКВД, а впоследствии арестован и расстрелян.

Сталин был мудрым человеком и понимал, что в Советском Союзе аппарат НКВД имеет большую власть, и если им руководит человек с большими амбициями, то у него непременно возникнет желание «поругать» страной, вот тогда жди беды. Следовательно, НКВД должен руководить человек начисто лишённый амбиций, а если он при этом будет не слишком умным, то это даже хорошо. Выбор пал на тихого алкоголика Николая Ежова.

Став наркомом НКВД, Ежов основательно «почистил» свой наркомат, расстреляв и посадив всех людей Ягоды, а вместе с ними и тех, кто случайно попал в «ежовые рукавицы». Однако двое ближайших соратников Генриха Ягоды смогли уцелеть, и даже подружились с новым наркомом. Этими изворотливыми счастливицами оказались: руководитель Главного управления пограничных и внутренних войск Михаил Фриновский и начальник УНКВД по Азовско-Черноморскому краю Генрих Люшков. Они сильно полюбили Николая Ежова.

Генрих Люшков пил водку с Ежовым, а Фриновский возглавив ГУГБ, фактически руководил НКВД. На все ключевые посты в наркомате он расставил своих людей. В СССР шло время первых пятилеток³⁴. Каждый в стране был занят делом: рабочие строили Горьковский автомобильный завод, Уралвагонзавод, и тысячи других предприятий, колхозники сажали картошку и убирали урожай с полей, Михаил Фриновский сажал и убирал неугодных ему людей, а нарком Ежов пил водку с Генрихом Люшковым. В 1936 году в Советском Союзе подходила к концу вторая пятилетка. Страна за эти десять лет сделала огромный рывок, став индустриальной державой. Однако сказывалась слабость руководства. Извечная беда России – дураки в руководстве, от того плохие дороги и огрехи в управлении на местах. В СССР это ещё усугублялось тем, что в руководстве были люди, не имеющие не только высшего, но даже среднего образования, однако это были верные большевики с дореволюционным стажем. Вот эти самые дураки, которые в период коллективизации считали кулаком, (а тот автоматически причислялся к врагам Советской власти), крестьянина имевшего две козы. Классовая борьба с кулаками усиливается, следовательно, их нужно выселить куда подальше, в Сибирь! Чего греха таить, в деревне шла борьба кулаков с колхозами. Активистов-колхозников постреливали из обрезов и жгли колхозные амбары с зерном. Всё было! Однако активных врагов насчитывалось немного, а на высылку в Сибирь и на Север отправляли сотнями, и далеко не все из них были врагами Советской власти, многие воевали за неё.

Если дурак руководит колхозом, то плохо деревенским мужикам, ну а когда он рулит областью, то страдает целый регион. Например, в 1931 году секретарь Уральского областного комитета ВКП (б)³⁵ Иван Кабаков, чтобы отчитаться перед ЦК³⁶ за перевыполнение плана по зернодаче, вымел подчистую всё зерно из колхозов, и на Урале разразился голод. Точно так же на Украине действовал Станислав Косиор, а в Белоруссии Николай Гикало. Всё это

³⁴ Пятилетка – пятилетний план развития народного хозяйства СССР.

³⁵ ВКП (б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).

³⁶ ЦК – центральный комитет коммунистической партии.

были «старые» большевики с дореволюционным стажем и тремя классами церковно-приходской школы.³⁷

За двадцать лет прошедшие с Октябрьской революции 1917 года выросло поколение новых, уже советских технократов, способных управлять страной. В 1936 году назрела необходимость внести изменения в управление государством. Ах, этот благословенный тридцать шестой год! Был собран хороший урожай, заработала в полную силу промышленность, а в магазинах на прилавках появились товары, и пора было отменять карточную систему на продукты. В Закавказской республике,³⁸ которой в то время руководил Лаврентий Берия, в Грузии и Азербайджане были высажены чайные плантации, а в Абхазии мандариновые сады. Именно в этот год на прилавках магазинов в России появились в продаже диковинные мандарины, а чай перестал быть дефицитным товаром. Берия был крепким хозяйственником, один из немногих первых секретарей обкомом при котором республика процветала, а не вгонялась в нищету.

В 1936 году Сталин и Молотов на заседании Политбюро предложили ряд новшеств в управлении страной. Принято считать, что Сталин единолично управлял СССР, однако это не так. Советским Союзом коллегиально управляли девять членов Политбюро: Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Андреев, Косиор, Чубарь и Микоян. Летом 1936 года на заседаниях Политбюро обсуждались вопросы о смягчения режима в СССР, и введения всеобщего избирательного права. В то время в СССР существовало такое понятие как «лишенец». Это были бывшие офицеры царской армии, воевавшие в Гражданскую войну на стороне белого движения, дворяне и их дети, священнослужители. В категорию лишенцев попадали так же те, кто был «поражён» в правах, то есть люди, которые отбыли наказание по статье 58 Уголовного кодекса СССР от 1926 года – пресловутые «враги народа». Лишенцы не имели право голосовать на выборах, они и их дети не могли учиться в институтах и техникумах. В СССР лишенцев было около миллиона пятьсот тысяч человек, по существу 2% от взрослого населения СССР.

Сталин и Молотов предлагали отменить такое понятие как «лишенец», и уравнивать в правах всё население Советского Союза. Предполагалось вернуть всех высланных «на поселение» в места прежнего проживания, или туда, куда они пожилают выехать, а так же уравнивать их в правах с прочими гражданами страны. Сталин и Молотов предлагали ввести тайное и альтернативное голосование на всех выборах – от избрания депутатов в Верховный Совет, до выборов в секретари партийной организации. Причём выборы должны быть обязательно альтернативными. Тогда же на Политбюро, было принято решение внести все эти изменения в новую Конституцию СССР. Это уже была прямая угроза благополучию таких людей как Кабанов, Хрущёв, Эйхе, Варейкис и прочих секретарей обкомов. Они прекрасно осознавали, что люди не простят им своё полугодовое существование, и головоунытие в период коллективизации. Тогда прощай сытая жизнь и спецфонды, где есть всё, в отличие от простых магазинов с пустыми полками. По существу эти люди уже жили при коммунизме, который большевики обещали всем жителям Советского Союза. Лишаться сытной кормушки никто из секретарей обкомов не пожелал, и сложилась фронда.³⁹

В феврале-марте 1937 года в Москве должен был проходить пленум⁴⁰ ЦК ВКП (б), на котором и собирались обсудить предложения Сталина – Молотова. В Советском Союзе все текущие вопросы решались на Политбюро, а стратегические решения, влияющие на положения в стране, принимались на пленуме ЦК ВКП (б) собиравшимся раз в полгода, и в котором участ-

³⁷ Церковно-приходская школа – в Российской империи начальные школы были при церковных приходах, в этих школах изучали письмо, арифметику и Святое Писание.

³⁸ С 1922 года по 5 декабря 1936 года Азербайджан, Армения, Аджария, Грузия, Абхазия и Южно-Осетинская область входили в состав Закавказской Федеративной Социалистической Республики.

³⁹ Фронда – антиправительственный заговор, чиновников недовольных властью.

⁴⁰ Пленум – от латинского слова *plenum*, что значит «полное». Заседание, на котором присутствуют все члены организации. То есть все члены Центрального комитета ВКП (б) СССР.

вовали все партийные секретари обкомов и райкомов. На пленуме фронда дала решительный бой Сталину. Атаку начал первый секретарь Новосибирского крайкома ВКП (б) Роберт Эйхе. Он говорил о недостатках в работе органов НКВД: те недостаточно решительно борются с врагами народа. Отмашка для фронды была дана и началось!

Пошли выступления Дмитрия Булатова из Омского обкома, Дмитрия Конторина из Архангельского обкома и прочие. Смысл речи всех выступающих был один – классовая борьба в стране обостряется, а НКВД недостаточно активно борется с врагами народа. На этом пленуме предложения Сталина – Молотова не прошли, но фронда прекрасно знала, что работа над проектом Конституции не прекращается, и Сталин от своей затеи не отказался. Следовало заставить его отречься от неё.

На июльском пленуме 1937 года они продолжили атаку. Иосиф Сталин как руководитель государства был хорош и вполне устраивал фронду. Многие её участники прекрасно понимали, что в настоящий момент его и заменить-то не кем. Сталина лишь необходимо избавить от крайне вредных мыслей, о тайном голосовании и альтернативных выборах. Первого июля с Молотовым и Сталиным встретились секретарь Дальневосточного обкома Иосиф Варейкис, Александр Криницкий из Саратовского обкома, первый секретарь ЦК КП Азербайджана Мир Джафар-Аббас Бакиров, секретарь Сталинградского обкома Абрам Столяр. Тема для беседы была одна – Иосиф Сталин и Вячеслав Молотов хорошие руководители, но незаменимых людей нет, а есть незаменимые. Что бы Сталин ни усомнился в серьёзных намерениях фронды, второго июля с ним встретились Дмитрий Конторин, Николай Гикало и Максим Амосов, требование было одно – активизировать борьбу с врагами народа. В условиях «ожесточения классовой борьбы» естественно уже не может идти речи о тайном голосовании и безальтернативных выборах. Сталин отступил, а члены фронды на свою беду решили, что он сдался.

Под давлением фронды в НКВД родился секретный приказ №00447 от 30 июля 1937 года: «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Согласно этому приказу предписывалось создавать внесудебные тройки для расследования и репрессий по уголовным делам, возбуждённым по статье 58 Уголовного кодекса СССР. Из центрального аппарата НКВД во все территориальные управления спускались ежемесячные разрядки, сколько человек должно быть расстреляно по этой статье, а сколько осуждено к лишению свободы, то есть, посажены в тюрьмы и лагеря.

Иосиф Сталин приказал наркому НКВД Николаю Ежову начать собирать компромат на всех членов фронды. Вот тут шанс для себя уловил начальник ГУГБ НКВД Михаил Фриновский. Он внушил алкоголику Ежову, что на местах можно подвинуть от власти секретарей обкомов, а потом сам Ежов скинет Сталина с поста Генерального секретаря ЦК ВКП (б). Пьяному море по колено, и Коля Ежов согласился с планом Фриновского. В СССР начались репрессии. Они шли везде: в армии, в НКВД, не миновала сия горькая чаша и простых людей. Страна была, как тогда говорили: в «ежовых рукавицах». Жертвами этих репрессий оказались почти все участники фронды – Эйхман, Варейкис, Кабанов и прочие. Они все пострадали, но небезвинно. Именно они, спасая свои сытные кормушки, развязали террор в стране, и попали под его жернова. Единственный кто из всей фронды уцелел – Никита Сергеевич Хрущёв. Он в те годы был первым секретарём Московского комитета партии и пролил немало крови москвичей и жителей Московской области. Жил Хрущёв по принципу: «Вовремя предать, значит предвидеть». В начале двадцатых годов, он примкнул к Троцкому, но успел сориентироваться и перескочил в лагерь его противников. В 1937 году он высказал Сталину неудовольствие тем, что центральный аппарат НКВД на Москву и область спустил месячную разрядку, расстрелять тысячу врагов народа, в то время как Москва может расстрелять в десять раз больше.

– Уймись дурак! – последовал резкий ответ Сталина.

Вот тогда-то Хрущёв понял, что нужно срочно «отскакивать» от заговорщиков. Он утих и примкнул к Сталину. И вовремя! Через несколько месяцев начались репрессии против быв-

ших его подельников-заговорщиков. Перебив членов фронды, Сталин взялся за Ежова, но и здесь он не спешил – политбюро назначило заместителем наркома НКВД Лаврентия Берия. После ошибки с Генрихом Ягодой, Сталин держал своих людей в НКВД, которые уведомляли его обо всём происходящем в этой конторе. Сталин прекрасно знал, что Ежов только водку пьёт с Генрихом Люшковым, а репрессиями руководил Михаил Фриновский, именно он был опасной фигурой. Что бы отделить Фриновского от его людей в НКВД, его 8 сентября 1938 года назначили министром ВМФ СССР.

Собутыльник Ежова и одновременно его надзиратель Генрих Люшков, занимал пост начальника НКВД по Дальнему Востоку. Он первый из всей троицы уловил опасность. 9 июня 1938 года он перешёл границу у китайского города Хуньчунь и сдался японцам, (в то время Япония захватила почти всю территорию Китая). В сентябре 1938 года был арестован Михаил Фриновский, а в ноябре этого же года Николай Ежов. 25 ноября 1938 года Лаврентий Берия был назначен наркомом НКВД, в течение нескольких месяцев он свернул репрессии в стране. Начался пересмотр дел осуждённых по статье 58 УК СССР. Здесь была одна тонкость – не все были осуждены безвинно. Кто-то совершил кражу или растрату финансовых средств, но на свою беду оказался коммунистом. Считалось что член ВКП (б) не может быть уголовным преступником. Если он совершил кражу или растрату, значит не в целях наживы, а чтобы навредить Советской власти, потому что он враг народа. Вот такая извращённая логика! Если за кражу беспартийный завскладом получал три года лишения свободы, и, отсидев свой срок, мог вернуться на прежнее место работы, то бедолага завскладом – коммунист, осуждался по статье 58 УК СССР и как враг народа получал десять-пятнадцать лет. Освободившись, он, как правило «прицеплялся» к какому-либо политическому делу, и получал уже лет двадцать пять лагерей, а то и расстреливался.

До того как Лаврентий Берия стал наркомом НКВД, он четыре месяца руководил ГУГБ. Михаил Фриновский успел изрядно «почистить» это управление, фактически разгромив его. Берия стал восстанавливать ГУГБ, и к началу Великой отечественной войны, службы разведки и контрразведки смогли заработать почти в полную силу.

После Великой отечественной войны, к 1950 году страна поднялась из руин. СССР создал свою атомную бомбу, тем самым отвёдя от себя угрозу ядерной бомбардировки. Теперь Сталин решил вернуться к тому, от чего был вынужден отказаться в 1937 году. Планировалось внести изменения в Конституцию 1937 года. Тогда Сталину и Молотову лишь удалось добиться отмены такого понятия как «лишенец», все остальные нововведения фронда заблокировала, развязав репрессии в стране. Теперь, Сталин предлагал в Конституции убрать фразу о том, что «ВКП (б) является руководящей и направляющей силой в стране». Сталин хотел возложить на Совет министров СССР руководство страной, а партия будет заниматься исключительно идеологией. Для первых секретарей факт того, что за партией оставляют только вопросы идеологии, не страшно, опасно было другое – партийный аппарат в будущем планировалось лишить власти. Тогда его неминуемо оттеснят от кормушки со спецпайками и спецмагазинами. Опять повторялась история 1937 года.

Свою идею Сталин обсуждал с ближайшими, и как он считал, самыми надёжными соратниками – Лаврентием Берией, Георгием Маленковым и Никитой Хрущёвым. Иосиф Сталин прекрасно осознавал, что он стар и ему нужен преемник. Из троих его соратников, лучше всех на роль лидера государства подходил Лаврентий Берия. Он обладал организаторским талантом, не случайно, важнейший для страны атомный проект курировал именно Лаврентий Берия. В годы Великой Отечественной войны Берия входил в состав ГКО⁴¹. Это под управлением Берии в 1941 году, в самом начале войны, всю промышленность с западных областей СССР по желез-

⁴¹ ГКО – Государственный комитет обороны, созданный во время Великой Отечественной войны чрезвычайный орган управления Советским Союзом.

ной дороге перевезли на Урал, в Западную и Восточную Сибирь, а так же в Поволжье и Среднюю Азию. Всё это под бомбёжками, во время паники при немецком наступлении. Однако эвакуация была проведена чётко и слаженно, оборудование демонтировали, а на новом месте возвели в кратчайшие сроки новые заводы. Это был единственный случай в мировой истории, когда из одной части страны в другую перевезли почти всю промышленность.

В годы руководства Закавказской республикой и Грузией, Лаврентий Берия показал себя отличным хозяйственником, так что он смог бы прекрасно руководить Советским Союзом. Однако у него был огромный недостаток – Берия был мегрел,⁴² а для России, подряд два руководителя-грузина, это перебор. Потому управлять государством должен был Георгий Маленков – он русский, и это всех устроит. Маленков был аппаратчиком до мозга и костей, он хорошо разбирался в людях, мог назначить качественного руководителя, однако сам организовать работу не мог и в экономике ничего не смыслил, был плохим хозяйственником и управленцем. Маленков и сам осознавал свои недостатки, потому, занимая пост председателя Совета министров СССР ни одного важнейшего решения, не принимал, не посоветовавшись с Берией. О Никите Хрущёве Сталин был невысокого мнения, потому ему была отведена роль руководителя партии. Сталин считал, что дурак Хрущёв годен лишь для того, что бы выступать на партийных собраниях. Будущее покажет, как он ошибался.

Никита Хрущёв присутствуя на посиделках на Ближней даче Сталина⁴³, прекрасно понимал, что из всех троих, (имеется в виду он, Маленков и Берия), ему отводится незначительная роль идеолога, без всякого веса в государственном аппарате. К тому же, Никита Сергеевич не был уверен, что его в будущем не спихнут и оттуда. Хрущёв стал сколачивать фронт из секретарей обкомов и райкомов. Им всем было что терять – наступал конец их сладкой, безбедной жизни.

Однако если в прошлый раз Хрущёв был лишь участником заговора и далеко не самым главным, то теперь он выходил на первые роли, значит, спасти свою жизнь путём предательства ему не удастся. Нужно было обезопасить себя и сделать своим подельником министра МГБ. В ту пору этот пост занимал Виктор Абакумов – верный «цепной пёс Сталина», нечего было даже думать о том, что бы привлечь его на свою сторону. Следовательно, Абакумова нужно убрать, и назначить министром МГБ своего человека. Повод подвернулся неожиданно легко: 31 августа 1948 года в доме отдыха «Валдай» Новгородской области умирает член ЦК ВКП (б) Андрей Жданов. Заведующая отделом функциональной диагностики Лечсанупра Кремля врач-кардиолог Лидия Тимашук, 28 августа осматривая Жданова, на основании кардиограммы поставила ему диагноз «инфаркт-миокарда». Однако академики Егоров и Виноградов лечившие Жданова, а так же врач-терапевт санатория Майоров не согласились с ним. Они заставили Тимашук убрать из диагноза слово «инфаркт». Была ли это врачебная ошибка или Жданов умер по другой причине, тогда не установили. Однако Тимашук не хотела, что бы историю со смертью Жданова «похоронили». Она написала письмо в ЦК ВКП (б).

В то время Лечсанупр Кремля подчинялся не министерству здравоохранения, а 9 -му управлению МГБ, которое отвечало за безопасность первых лиц страны. Руководил «девятой» генерал Власик, личный телохранитель Сталина ещё с двадцатых годов. Письмо попало к нему, но Николай Сидорович, не будучи врачом, передал его руководителю Лечсанупра академику Егорову, тому самому человеку, на которого и жаловалась Тимашук. Пётр Иванович пытался потихому утихомирить Тимашук, но та за дело болела душой. Она написала ещё четыре письма в ЦК, и все они опять попали к Егорову. Тогда академик решил убрать с глаз

⁴² Мегрел – этническая группа в составе грузинского народа. Язык мегрелов сильно отличается от грузинского. Учёные до сих пор спорят о происхождении этого народа. Многие из них считают мегрел потомками хазар.

⁴³ Ближняя дача Сталина – была расположена возле села Волыньское. В настоящее время это территория микрорайона Фили-Давыдково города Москвы.

дойлой строптивного доктора. Тимашук отправили простым врачом-кардиологом в одну из поликлиник Лечсанупра.

В марте 1951 года Тимашук случайно знакомится со следователем МГБ майором Рюминым. Над тем в то время сгушались тучи, его буквально преследовали неудачи: вначале он в троллейбусе забыл папку со служебными документами, за что ему был вынесен строгий выговор. Во время проведения служебной проверки по факту утери документов, выяснилось, что Михаил Рюмин в сентябре 1941 года при зачислении в спецшколу НКВД, утаил некоторые сведения о себе: оказывается, отец его был кулаком, а брат и сестра осуждены за воровство. Так же тесть Рюмина во время Гражданской войны служил в войсках адмирала Колчака. Теперь все эти вскрывшиеся сведения выйдут Рюмину боком – его уволят из органов, и прощай спецпаёк.

Повстречав Тимашук, майор Рюмин понял, что это единственный шанс удержаться в органах МГБ. Он развил бурную деятельность, попытавшись раскрутить дело «врачей-вредителей». Для этого ему нужна была санкция министра МГБ Абакумова, а тот, изучив материалы, сказал:

– Не занимайся ерундой!

Именно в момент разговора с министром, Рюмин увидел на столе Абакумова материалы служебной проверки на себя. Михаил Рюмин совсем пал духом.

Случайно он пересёкся с бывшим министром МГБ Всеволодом Меркуловым. У того были личные счёты с Абакумовым: в 1946 году Всеволод Меркулов занимал пост министра МГБ, а бывший начальник СМЕРШ⁴⁴ Виктор Абакумов был его заместителем. Меркулов считал, что поста своего он лишился из-за интриг Абакумова, потому ненавидел его. В деле Рюмина он увидел шанс поквитаться со своим недругом. Однако Меркулов благоразумно решил держаться в стороне, сведя Рюмина с Дмитрием Сухановым – помощником секретаря ЦК ВКП (б) Георгия Маленкова. На эту должность Суханов попал благодаря Хрущёву, и «приглядывал» за Маленковым.

Суханов велел Рюмину написать письмо в ЦК ВКП (б), которое попало в руки Никите Хрущёву. Тот сообразил, что донос Рюмина, это то ружьё, выстрелом из которого можно убить сразу трёх зайцев: во-первых, убрать с поста министра МГБ Абакумова, во-вторых, начав расследование по «делу врачей», Рюмин напугает врачей Лечсанупра, а очень важно держать их «в узде», Сталин хоть и старый человек, но ещё неизвестно сколько проживёт. Сталин, Берия и Маленков могут довести свои преобразования до конца, и тогда Хрущёв потеряет все привилегии. Сталина следовало отравить, а врачи в это время должны быть полностью под контролем Хрущёва, только в этом случае, они дадут «правильное» заключение о смерти вождя. Но для убийства Сталина одной покорности врачей Лечсанупра мало, нужно ещё убрать с поста руководителя «девятки» Власика, после чего внедрять своих людей в охрану Сталина. Донос майора Рюмина решал все эти проблемы. Никита Хрущёв подсуетился и 11 июля 1951 года ЦК ВКП (б) принимает постановление: «О неблагополучном положении дел в МГБ», на следующий день Виктор Абакумов был арестован.

Замышляя комбинацию с Рюминым, Меркулов рассчитывал столкнуть Абакумова и занять его место. Однако у Хрущёва были другие планы, и Меркулов в них не вписывался. Более того, как инициатор комбинации по устранению Абакумова, он был опасным свидетелем для Никиты Хрущёва, при первой же возможности его следовало убрать. Виктор Абакумов разместился в камере Лефортовской тюрьмы, а в кресло руководителя МГБ уселся секретарь ЦК ВКП (б) Николай Игнатьев – человек Хрущёва. Первым же своим приказом Игнатьев при-своил майору Рюмину звание полковника, и назначил его начальником Главного следствен-

⁴⁴ СМЕРШ – Главное управление военной контрразведки в годы Великой Отечественной войны было выведено из состава НКГБ, и переименовано в «СМЕРШ», (сокращённо «Смерть Шпионам»). Эта организация подчинялась напрямую Председателю ГКО И.В. Сталину. 4 мая 1946 года «СМЕРШ», было введено в МГБ СССР в качестве 3-го контрразведывательного управления в армии, ВВС и ВМФ.

ного управления МГБ СССР. Михаил Рюмин правильно понял, за что ему такая милость, и с энтузиазмом принялся раскручивать дело «врачей-вредителей». Оно ударило по руководителю «девятки» генералу Власику, и тот был арестован. После чего Игнатъев «почистил» девятое управление МГБ от людей Власика, и к марту 1953 года всё было готово. 1 марта 1953 года Сталин был отравлен на своей Ближней даче. Четыре дня врачи боролись за его жизнь, но 5 марта 1953 года в 21.50 Иосиф Виссарионович Сталин умер. Напуганные врачи выдали заключение, что смерть вождя наступила в результате кровоизлияния в мозг, хотя все эти дни, они лечили его от отравления.

Маленков и Берия догадывались, что со смертью Сталина что-то не так, но никаких доказательств не имели, не ясно было, кто за всем этим стоит. Они решили действовать неспеша, обходными путями. Сразу после похорон Сталина, ЦК КПСС⁴⁵ вынес решение о слиянии МГБ и МВД. Новое министерство внутренних дел возглавил Берия, а Игнатъев вернулся в ЦК КПСС. За месяц Лаврентий Берия прекратил все политические репрессии – «дело врачей», «мегрельское дело» и прочие уголовные дела были пересмотрены, а все арестованные выпущены на свободу. Вновь раскрутившийся маховик репрессий, остановлен.

Интересный это персонаж в нашей истории – Лаврентий Павлович Берия! Его до сих пор обвиняют в репрессиях тридцатых и сороковых годов, совершенно не задумываясь о том, что когда шли эти репрессии, Берия к органам безопасности не имел никакого отношения. Но как только он их возглавлял, репрессии прекращались. Так было в 1938 году, то же самое и в 1953 году. Это с подачи Никиты Хрущёва, у которого руки были по локоть в крови, оболган Лаврентий Берия.

Берия разобрался, кто стоит за смертью Сталина, и 5 апреля 1953 года инициировал опрос среди членов ЦК КПСС. По итогам этого опроса «за допущенные товарищем Игнатъевым серьёзные ошибки в руководстве МГБ СССР», 28 апреля 1953 года он был выведен из состава ЦК КПСС, дальше следовало ожидать исключения из партии, арест, следствие и суд. Игнатъев понял, что Берия докопался до причин смерти Сталина, и запаниковал. Хрущёв принялся срочно «зачищать концы». Стали убирать исполнителей из охраны Сталина и тех следователей, кто вёл «дело врачей». Срочно арестовали Рюмина и тут же расстреляли во «внутренней тюрьме» на Лубянке. Однако Никита Хрущёв прекрасно осознавал, что Берия всё равно выйдет на него, как на руководителя заговора, стоит только арестовать Игнатъева, тот его сдаст. Убить Игнатъева «по-тихому», нельзя, тот подстраховался и написал собственноручное признание в заговоре, где во всём обвинял Хрущёва. Где эти бумаги, неизвестно, и в случае смерти Игнатъева, они всплывут. Обдумав всё, понял Никита Сергеевич, что времени у него, что бы убрать Берия, от силы два месяца. В тандеме Маленков-Берия, именно Лаврентий был ведущей силой. Без него Маленков слаб и не опасен. Кто его враг, Никита Сергеевич Хрущёв знал. Следовало решить, где искать друга, точнее союзника, ибо друзей у таких натур как Хрущёв быть не могло. Дружба предполагает верность при любых обстоятельствах, а Никита Сергеевич всегда мог предать, и люди видели это. Значит, нужен союзник в этой смертельной схватке с Берией. А где найти такого?

В Президиум ЦК КПСС тогда входили: Георгий Маленков (он был Председателем Совета Министров и фактически являлся главой государства), Лаврентий Берия, Вячеслав Молотов и Никита Хрущёв (после смерти Сталина он исполнял обязанности Первого секретаря ЦК КПСС), Никита Булганин (с 15 марта 1953 года он был назначен министром обороны СССР) и Лазарь Каганович. Из четверых, лишь Берия был опасен Хрущёву, и он озаботился поисками союзника. Им оказался «маршал Победы» Георгий Жуков – человек амбициозный, самовлюблённый, которого советская пропаганда возносила до небес во время Великой Отечественной войны, а ныне он вынужден «прозябать» в должности командующего Уральским военным

⁴⁵ С 1952 года ВКП (б) была переименована в Коммунистическую партию Советского Союза (КПСС).

округом. Жуков был популярен в войсках, и именно на армию решил сделать ставку в государственном перевороте Никита Сергеевич.

Хрущёв быстро столкнулся с Жуковым, пообещав ему должность министра обороны. После чего «маршал Победы» стал подбирать себе сторонников среди верных ему генералов. К июню 1953 года план заговора был составлен. Никита Хрущёв не планировал арестовывать Берия, поскольку живым он был крайне опасен. Его люди в МВД, зная, что он жив, могут поднять внутренние войска, а в подельниках у Никиты Сергеевича только Жуков с кучкой генералов. Потому власть можно захватить путём стремительно проведённой операции, тогда Маленков, Каганович и Молотов не успеют договориться. В случае малейшего промедления, заговор Хрущёва «посыплется» и тогда крах. Значит, Лаврентий Берия жить не должен.

26 июня 1953 года он был убит в своём особняке на Малой Никитской, когда приехал на обед. Власть была захвачена, и всех людей Берии в МВД, по-тихому арестовали и расстреляли. Интересно, что в «подельники Берии» угодил и Всеволод Меркулов, заваривший всю кашу с «делом врачей». Хотя Меркулов и давал нужные показания против Берии, в живых его Хрущёв оставлять не захотел. Расстреляли так же и Виктора Абакумова, за то что, несмотря на пытки, не согласился давать показания против Берии.

Впоследствии Георгий Жуков, генералы Москаленко и Батицкий в своих мемуарах описывали, как они арестовывали Лаврентия Берия, но в воспоминаниях их было много нестыковок, потому-что никакого ареста не было. Это уже потом инсценировали спектакль с судом над мнимым Берией, при этом судебное заседание было скорым и тайным. Хрущёв инкриминировал Берии то, что он планировал захватить власть и уничтожить членов Президиума ЦК КПСС. Никаких доказательств не приводилось, да они и не требовались – переворот удался. Маленков, Молотов и Каганович были растеряны, и, опасаясь за свои жизни, присмирели. Никита Сергеевич понимал, что вскоре эта троица отойдёт от шока, и начнёт борьбу против него, но это уже были аппаратные игры, а в них он был большой мастер.

В июле 1953 года Комитет государственной безопасности был выведен из состава МВД. Теперь КГБ пребывал в статусе ведомства при правительстве СССР. Во главе этого ведомства Хрущёв поставил своего верного человека Ивана Серова. Тот должен был проверить архивы КГБ, и уничтожить все «расстрельные» списки с подписями Хрущёва. Свою задачу Серов выполнил, а сотрудникам КГБ он запомнился как заносчивый и недалёкий человек. Он привёл с собой кучу людей, которые до этого работали в партийных структурах. Специалистами партаппаратчики оказались плохими, они развели в «конторе» дразги, мешающие работать. В КГБ начались случаи предательства – сотрудники «сливали» информацию ЦРУ и МИ-6⁴⁶ за это Серов лишился поста Председателя КГБ, на его место был назначен бывший секретарь ЦК КПСС Александр Шелепин. Он хоть и являлся «партаппаратчиком», но в отличие от Серова был умным, и при нём КГБ заработало в полную силу. Однако Шелепин в то время замыслил заговор против Хрущёва, потому работа в КГБ ему мешала, отнимая время. В 1961 году он добился от Никиты Сергеевича возвращения на должность секретаря ЦК КПСС. Новым Председателем КГБ был назначен тридцатисемилетний Владимир Семичастный – бывший секретарь ЦК ВЛКСМ⁴⁷.

«Контора» замерла в ожидании, сейчас это комсомолец начнёт куролесить. Но страхи были напрасными, Семичастный оказался неглупым человеком, он понимал, что ничего не смыслит в разведке, потому всегда слушался профессионалов. Владимир Семичастный руководил КГБ с 1961 по 1967 годы, и это были далеко не худшие годы для Комитета. Всем был

⁴⁶ SIS/MI-6 – служба внешней разведки Великобритании: «Secret Intelligence Service/Military Intelligence», в переводе на русский язык означает: «Секретная специальная служба/ Военная служба». Цифра «6» обозначала номер отдела в структуре SIS, из которого и выросла вся служба внешней разведки Великобритании. MI-6 подчиняется МИД Великобритании. Её руководитель является заместителем министра иностранных дел.

⁴⁷ ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодёжи.

хорош Семичастный, но был у него один «бзик» – он считал, что в центральном аппарате разведки должен быть хоть один руководитель с родины организатора ВЧК Феликса Эдмундовича Дзержинского. Так в 1967 году заместителем начальника ПГУ КГБ СССР оказался литовец Альфонас Рандакявичус. Он хоть и перевёлся в Москву с поста Председателя КГБ Литовской ССР, но всю жизнь прослужил в политорганах армии. Рандакявичус прикрасно понимал, что для руководителя службы внешней разведки он не пригоден, не знает ни одного иностранного языка, он и по-русски-то говорил с сильным акцентом, совершенно не разбирался в вопросах оперативной работы. Сильно страдал Рандакявичус от сознания своей ненужности.

Никита Сергеевич считал Семичастного своим ставленником и целиком доверял ему. Глуп был Хрущёв, потому и не видел, что страной он управлять не может. Однако это прекрасно понимали все члены Президиума ЦК КПСС, они и составили заговор против Хрущёва. Председатель КГБ Семичастный примкнул к нему. 12 октября 1964 года Хрущёв прилетел в Москву из Пицунды. Он поехал на заседание Президиума ЦК КПСС, где его ожидал сюрприз – ему было предложено уйти в отставку. Он всех «достал» своей глупостью, так что почти все члены Президиума были единогласны. Только осторожный Анастас Микоян сказал несколько добрых слов в адрес Хрущёва.

Генеральным секретарём ЦК КПСС, а, следовательно, и главой государства стал Леонид Ильич Брежнев, в аппаратной борьбе он смог оттеснить Шелепина. Брежнев не доверял Семичастному, считая его слишком сильной фигурой, и в 1967 году сместил с поста Председателя КГБ, направив в Киев заместителем Председателя Совета министров Украинской ССР. На пост Председателя КГБ СССР был назначен Юрий Владимирович Андропов. Тот имел некоторые представления о разведке – с 1953 по 1957 года работал послом в Венгрии. Знал специфику агентурной работы, в годы войны готовил партизан для заброски в тыл на Карельском перешейке. Ну а если к этому прибавить большой ум и порядочность, то понятно, что с назначением Андропова на пост председателя КГБ СССР Брежнев не прогадал.

Комитет мог спокойно работать, одна беда, бывшие партаппаратчики которые пришли ещё с Серовым, за десять с лишним лет пересидев несколько председателей КГБ, стали считать себя опытными чекистами, и лезли в оперативные дела. Особенно много таких «спецов» окопалось в Инспекции при председателе КГБ СССР. Один из них, по фамилии Белозёров занялся имуществом Управления «С». Его заинтересовала дача Управления «С» в подмосковном посёлке Кратово. Генерал Абердин пытался доказать Белозёрову что дача управлению нужна для негласной встречи с агентурой.

– Вся ваша агентура Виталий Александрович за кордоном, – хмурил свой морщинистый лоб Белозёров. Он брил голову и морщины со лба, плавно переходили выше на череп, казалось, что это мозговые извилины проступают наружу.

– Нельзя так упрощённо трактовать деятельность нелегальной разведки Всеволод Андреевич, – усмехнулся Абердин, – мы не можем все узлы операций прорабатывать сидя в кабинетах на площади Дзержинского. Большинство наших контактов негласные, они проходят за стенами учреждения.

– Вот словно для вас Виталий Александрович слова из доклада Генерального секретаря КПСС Леонида Ильича Брежнева на двадцать третьем съезде партии, – улыбнулся Белозёров. Он перелистнул настольный календарь и стал читать: – Хотелось бы предостеречь работников министерств от попытки возрождения узковедомственного подхода к делу.

«Видать, я у тебя не первый, раз цитату из речи Брежнева на календаре записал, что б всегда под рукой была, – подумал Абердин. Он усмехнулся про себя: – Интересно, много у тебя таких цитаток, или одна на все случаи жизни, и ты всегда это лыко в строку суёшь?»

– Между тем Виталий Александрович, – продолжал Белозёров, – был опрошен персонал на даче вашего управления в Кратово, они пояснили, что за истёкшие пять месяцев на даче никто не проживал.

– Вы что же, заявились на дачу, сверкая корочками КГБ?! – вскинулся Абердин.

Дача управления «С» в Кратово была оформлена как гостевой дом института Моспроектстройиндустрия. Через отдел кадров этого института были наняты супруги Ивановы. Муж Николай был дворником, а его жена Елена, экономкой и горничной. О том, что дача принадлежит КГБ, супруги Ивановы не догадывались.

– Вы меня Виталий Александрович за идиота-то не держите, – собрал в кучу морщины на черепе Белозёров, – сотрудники нашей инспекции посетили дачу под видом пожарного надзора. Провели разведбеседу с супругами Ивановыми, они ни о чём не догадались.

– И на том спасибо, – вздохнул Абердин.

– На основании рапорта моих сотрудников, я сделал заключение, что дача в Кратово вам особо и не нужна, – продолжал Белозёров, – на балансе первого и второго главных управлений в Московской области числится порядка пятнадцати дач. Можно свести этот дачный фонд в единую систему. Первое и второе управления будут пользоваться дачами по мере необходимости. От лишних дач мы избавимся. Нужно работать по-новому товарищ Абердин, именно этому нас учит партия!

«Тяжело спорить с дураками, особенно если не изучал материалы съездов коммунистической партии, – вздыхал про себя Абердин, шагая по коридорам здания. Он вдруг остановился: – А почему я собственно должен с ним спорить?! С аппаратчиком должен разговаривать только аппаратчик».

Виталий Абердин направился в кабинет первого заместителя ПГУ КГБ СССР Рандакявичуса. Тот в молодости был активистом муниципального комитета комсомола в литовском Каунасе. Когда началась война, стал комсоргом дивизии. После войны остался в политорганах. Когда пришёл к власти Хрущёв, он стал тащить в КГБ партийцев, и этим ветром Рандакявичуса занесло в Комитет. Сначала он служил в Особом отделе, затем его назначили председателем КГБ Литовской ССР.

«Недобрая рука» Семичастного переметнула беднягу Альфонаса Бернгардовича в кресло первого заместителя ПГУ КГБ, от чего Рандакявичус совсем растерялся. Дурак в таком положении, что бы доказать свою значимость, грызёт коллектив. Рандакявичус был умным и порядочным, страдая от своей ненужности, он занялся «самоедством», и так загрыз себя, что с инфарктом угодил в больницу. В тот день, когда Абердин вздумал поговорить с ним, был первым днём выхода на службу Рандакявичуса.

– Как вы себя чувствуете Альфонас Бернгардович? – спросил Абердин, здороваясь с первым заместителем управления. Сев на стул, он продолжил: – Выручайте Альфонас Бернгардович, без вас полный завал в работе.

Рандакявичус подозрительно посмотрел на Абердина и медленно сказал:

– Я вас слушаю Виталий Александрович.

Абердин рассказал о разговоре с Белозеровым, и о даче управления «С» в Кратово, упомянув, как тот ловко «срезал» его цитатой из речи Брежнева.

– Я всё понял, – оживился Рандакявичус, – вопрос с нашими дачами, мы решим в нашу же пользу.

Едва Абердин вошёл в свой кабинет, зазвонил телефон.

– Здравствуй Виталий Александрович, некто Саломатин тебя беспокоит, – услышал Абердин в трубке неторопливый голос заместителя начальника ПГУ, – что ж ты у Альфонаса Бернгардовича был, а ко мне, в соседнюю дверь не соизволил зайти. Оно конечно понятно, Рандакявичус первый заместитель управления, а я всего лишь заместитель, однако Александр Михайлович⁴⁸ курировать операцию по разработке Коня поручил мне, так что хочешь, не хочешь, Виталий Александрович, а встретиться нам придётся.

⁴⁸ Сахаровский Александр Михайлович – с 1956 по 1972 годы начальник ПГУ КГБ СССР.

- Я всегда готов Борис Александрович. Когда?
- Чего тянуть, заходи сейчас.

Злые языки в «конторе» поговаривали, что взлётом своей карьеры Соломатин обязан стечению обстоятельств: в мае 1967 года председателем КГБ стал Андропов, а в августе этого же года в Советское посольство в Вашингтоне обратился уорен-офицер ВМС США Джон Энтони Уокер. Он предложил шифры ВМС США. Встретился с Уокером резидент КГБ в Вашингтоне Соломатин, он быстро оценил потенциал того как агента, и предложил ему за шифры три тысячи долларов, чего Уокер явно не ожидал, (он думал получить за них не более семисот долларов). Таким образом, Джон Уокер стал первым агентом, завербованным КГБ в период руководства Юрия Андропова, а Соломатин из резидента, «влетел» в кресло заместителя ПГУ КГБ. Однако, как известно, удача – это постоянная готовность использовать выпавший шанс. Борис Соломатин был прекрасным оперативником-агентурником, способным видеть перспективу.

Когда Абердин вошёл в кабинет Соломатина, там уже находились генерал-майор Кострин – начальник управления «Р» (оперативное планирование и анализ операций). Полковник Зимин – заместитель начальника Службы «А» (служба активных операций).

– Владимир Михайлович, пока не начали совещание, позвольте поздравить вас с успешной защитой кандидатской диссертации, – сказал Соломатин.

– Дай бог не последняя, – вставил Абердин, пожимая руку Кострину.

Генерал Кострин до этого в МГИМО защитил кандидатскую диссертацию по проблеме проникновения американских корпораций в страны Африки, теперь вот кандидатская диссертация по психологии в МГУ.

– Эта последняя, – рассмеялся Кострин, – Сахаровский сказал, что пока он начальник первого управления, больше защищать кандидатские диссертации мне не даст. Выбирай, говорит, либо практика, либо теория.

– Хорошо, – кивнул Соломатин, – перейдём к практике.

– Ну что ж, начнём разговор о деле, – согласился Кострин. Он достал из своей папки три машинописных листа и положил на стол: – Мы проанализировали всю имеющуюся у нас информацию на Коня, просмотрели всё сведения по базе ВВС США в Вито деи Нормани. Вот наши рекомендации.

Кострин протянул листы бумаги Соломатину, тот бегло их прочитал:

– Ну что ж, разумно, – кивнул он. Положил их перед Зиминим: – Борис Николаевич, вашей службе есть над чем подумать. Займитесь лично разработкой Коня.

Соломатин улыбнулся, глядя на Зимина:

– Как всегда, вся служба надеется только на тебя. Мы уверены, не подведёшь.

– Конечно, кто везёт, на то и пашут, – пробурчал Зимин. Он взял рекомендации по операции и продолжил: – Тем, кто везет, достаётся кнут, а кто налегке бежит, тот пряники жуёт.

– Не ворчи Борис Николаевич, – улыбнулся Соломатин, – обилие желчи вредит организму.

Соломатин и Зимин служили вместе в резидентуре КГБ в Вашингтоне. Когда там пошли слухи, что Соломатина скоро переведут в Москву на повышение, все думали, что его место займёт Зимин. Это был самый опытный офицер в резидентуре Вашингтона. Однако случилось непредвиденное: оставаясь исполняющим обязанности резидента, Зимин на несколько дней уехал по делам в Нью-Йорк. За себя оставил молодого оперативника Олега Калугина. И надо же такому случиться, тому пришлось докладывать о работе резидентуры лично Андропову. Грамотный доклад молодого оперативника понравился председателю, он приказал ему принести личное дело Калугина. Спустя две недели Зимина ждал неприятный сюрприз, главой резидентуры в Вашингтоне стал Олег Калугин. Затем у Зимина пошла чёрная полоса, Калугин сделал всё, что бы убрать его из вашингтонской резидентуры. Он обвинял Зимина в пассивности и неаккуратности при работе с агентами. Наконец добился своего, в конце 1968 года Зимина

отозвали в Москву. Соломатин уговорил Андропова назначить его заместителем начальника Службы «А».

Тридцать первого января, после представления Андропову, Зимин пришёл в кабинет Соломатина, поблагодарить за протекцию. Они засиделись допоздна. Курили, пили кофе и разговаривали о жизни, точнее о службе, именно тогда Зимин сказал:

– Конечно, я понимаю, что Калугин предназначен для работы в Америке, он и стажировку проходил в Колумбийском университете, однако поверь мне Борис, добром для нас та его учёба не кончится.

Неизвестно, от обиды это сказал Зимин, или чувствовал что, но он оказался прав. В 1958-1959 годах в момент потепления отношений между США и СССР, по программе сенатора Фулбрайта в Колумбийский университет под видом журналиста, от КГБ на стажировку отправился Олег Калугин, а вторым стажёром был аспирант Академии общественных наук при ЦК КПСС Александр Яковлев. Оба они были завербованы ЦРУ. Яковлев получил агентурный псевдоним «Тэйм», а Калугин «Весь».

Яковлева ЦРУ вербовала на перспективу, как агента влияния, а Калугина принялись продвигать по службе. Участь в Колумбийском университете, Калугин свёл дружбу с бывшим советским инженером Анатолием Кудакиным, который будучи в заграничной командировке сбежал в США. Он работал в американской химической корпорации «Тиокол», и будто бы раскаялся из-за своего побега, решил помочь своей бывшей родине. На самом деле Кудакин являлся агентом ЦРУ под псевдонимом Кук. Он передал Калугину несколько перспективных разработок концерна «Тиокол», и Калугин заработал свой первый орден «Боевого Красного Знамени».

Спустя четверть века Яковлев, будучи секретарём ЦК КПСС, станет идеологом перестройки, от которой развалится Советский Союз, а Калугин возглавит управление «К» (контрразведка) в ПГУ КГБ и сдаст много агентов, которых в США завербовало ПГУ КГБ. Однако в тот зимний вечер 1968 года, ни Соломатин, ни Костров обо всём этом ещё не догадывались – не дано человеку предвидеть будущее.

Вот и сейчас Соломатин по реплике Зимина понял, что «не переболел» тот ещё старой обидой.

Полковник Зимин, вернувшись в свой кабинет, три раза перечитал рекомендации управления «Р». Он взял шариковую ручку с красной пастой и подчеркнул фразу: «Конь не удовлетворён своим материальным положением и страдает от этого».

– Эх, прав был старина Буаст⁴⁹, заявляя «Сердце алчущего, океан, ждущий дождя». Прольёмся же на нашего Коня дождём, – усмехнулся он, потом щёлкнул кнопкой селекторной связи: – Светлана Борисовна, вызовите, пожалуйста, ко мне Васильеву и Надеждина.

⁴⁹ Пьер-Клод Виктор Буаст – французский филолог, автор «Универсального словаря французского языка».

6. Под небом Парижа

В мае 1968 года в Париже к алым пионам на газонах, добавился маслянисто-оранжевый цвет горящих покрышек, и груды брусчатки от мостовой. Весь Латинский квартал был перегорожен баррикадами, а стены домов разрисованы граффити с лозунгами: «Мы не будем ничего требовать и просить, мы возьмём и захватим». Казалось, вышедшая на улицы французских городов толпа, может захватить власть – правительство было парализовано, и полностью потеряло контроль над ситуацией в стране. 21 и 22 мая депутаты Национального собрания принялись обсуждать вопрос о недоверии кабинету министров Жоржа Помпиду. 25 мая правительство начинает трёхсторонние переговоры с профсоюзами и Национальным советом французских предпринимателей. Социалист Франсуа Миттеран уловил для себя момент, что бы продвинуться вперёд: он решил раскачать ситуацию в Париже, тогда его считают ключевой фигурой в протестах. Социалисты собрали пятисоттысячный митинг на парижском стадионе Персен. Выступая на нём, Франсуа Миттеран осудил переговоры профсоюзов с правительством. Он призвал не признавать действующий кабинет министров Жоржа Помпиду и создать Временное правительство. По существу это был призыв к государственному перевороту. 25 мая во многих городах Франции люди по призыву Миттерана вышли на улицы, министр МВД Кристиан Фуше дал полиции приказ: «Жёстко действовать при разгоне демонстраций» – полицейские выполнили его, круша дубинками рёбра и черепа протестующих. Этот день вошёл в историю Франции как «кровавая пятница». В госпиталях оказались многие сотни пострадавших.

29 мая состоялось чрезвычайное заседание кабинета министров, и как гром среди ясного неба, грянуло известие – исчез президент страны Шарль де Голль. Пока министры горячо обсуждали вопрос о правомочности приказа главы МВД Фуше о разгоне демонстрантов, президент посетил немецкий город Баден-Баден, в котором был расквартирован военный контингент французской армии. Потом поехал в Страсбург – город на востоке Франции, где дислоцировалась бригада воздушно-десантных войск Франции. Выбор Шарля де Голля был обусловлен тем, что он боялся опираться на войска находящиеся вблизи Парижа и других городов, где шли протесты. В эльзасском Страсбурге не в пример бунтующей Франции было спокойно, а уж до немецкого Баден-Бадена волны протестов и вовсе не доходили, следовательно, на эти военные части можно было положиться.

Переговорив с военными, 30 мая президент Франции Шарль де Голль своим указом распускает Национальное собрание, и объявляет о проведении досрочных парламентских выборов. Сторонники Шарля де Голля, которых ещё со времён Второй мировой войны звали «голлистами», собрали митинг на Елисейских полях, который транслировался по телевидению. На митинге люди скандировали: «Де Голль, ты не один!»

Тут до многих дошло, что студенты захватившие Сорбонну и швыряющие камни в полицейских, это ещё не вся Франция. В довершение ко всему к Парижу из Страсбурга двинулись десантники, а из Баден – Бадена колонна французского воинского контингента. Президент де Голль в своей речи по радио, обещал навести порядок в стране. Люди увидели – Шарль де Голь не напуган. Президент сместил со своих постов девять министров (включая беднягу Фуше, который не побоялся взять на себя ответственность и приказал полиции разогнать демонстрантов). Правительство и профсоюзы начали новые переговоры. Добившись некоторых уступок от правительства, профсоюзы прекратили всеобщую забастовку. Социалист Франсуа Миттеран решил, что он достаточно «засветился» как лидер протестов, стал готовиться к выборам. Ситуация в Париже и других городах быстро стабилизировалась, лишь студенты в захваченной Сорбонне продолжали буйствовать, но полиция окружила университет, и держала ситуацию под контролем.

К субботе восьмого июня коммунальные службы Парижа полностью разобрали баррикады в Латинском квартале, убрали с улиц сожженные автомобили и крыши. Если бы не обилие полицейских патрулей, то можно сказать, что наступили, мирные дни. Людей на улицах было ещё немного, впрочем, это обстоятельство для Виталия Куржимова (третьего секретаря посольства СССР в Париже), было только на руку, легче обнаружить за собой наружное наблюдение DST. Он не зря опасался слежки – Куржимов служил в резидентуре⁵⁰ ПГУ КГБ в Париже, прикрываясь должностью третьего секретаря посольства. Он обладал дипломатическим паспортом, про таких разведчиков в их «конторе» говорили: «Сидит под корягой». За свою судьбу в случае провала Куржумов мог не опасаться – он обладал дипломатическим иммунитетом, и его лишь выдворят из страны, а это всего лишь крах карьеры, но не жизни. Вот контакту его будет значительно хуже – ждёт огромный тюремный срок за шпионаж. Потому нужно быть аккуратным и не приводить «хвост» на встречу.

Встреча с агентом у Виталия был назначен в музее Клюни, который находится в Латинском квартале. Этот музей средневековья расположен в саду Медьеваль, на пересечении бульваров Сен-Жермен и Сен-Мишель. Агентом Куржимова был Люк Бинтт – владелец детективного агентства «Бинтт и партнёры». Можно с чистой совестью сказать, что сотрудничество с этим агентством КГБ досталось по наследству от Департамента полиции Российской империи. В 1909 году заведующим заграничной агентурой Департамента полиции Российской империи был назначен Александр Александрович Красильников. В то время заграничная агентура Департамента полиции приглядывала за русскими революционерами, живущими в Европе. Её штаб-квартира находилась в Париже. На Красильникова работало несколько десятков агентов – французы, итальянцы, немцы и бельгийцы. Одним из таких агентов был инспектор парижской криминальной полиции Генрих Бинтт.

В 1910 году месье Бинтт вышел в отставку, и Александр Красильников предложил ему открыть сыскное бюро, куда были взяты на работу заграничные агенты Департамента полиции. Когда в феврале 1917 года Николай II отрёкся от престола, Красильников прекратил свою деятельность, и сыскное бюро «Бинтт и партнёры» стало работать уже без заказов от «почившего в бозе» Департамента полиции Российской империи. Всю документацию заграничного бюро Красильников передал русскому послу в Париже Александру Петровичу Извольскому. Тот в свою очередь этот архив отдал военному агенту⁵¹ во Франции генерал-майору Алексею Алексеевичу Игнатьеву.

После Октябрьской революции 1917 года, Игнатьев тайно поддерживал отношения с правительством Ленина в России. Когда в 1925 году между Москвой и Парижем были налажены дипломатические отношения, Игнатьев передал послу СССР Леониду Борисовичу Красину банковские счета на сумму 225000000 франков золотом, размещённых на имя Игнатьева – это был фонд военного агента Российской империи. Игнатьев работал в советском торговом представительстве в Париже до 1937 года, потом вернулся в СССР. Кстати именно генерал-майор Игнатьев⁵² в 1943 году предложил Сталину возродить кадетские корпуса. Иосиф Виссарионович идею поддержал, но решил назвать эти учебные заведения Суворовскими училищами. Умер восьмидесятилетний генерал-лейтенант Алексей Алексеевич Игнатьев в 1947 году. Однако мы дорогой читатель ушли вперёд, давай вкнёмся в 1925 год.

Игнатьев предложил первому резиденту ИНО ОГПУ при Совете народных комиссаров (СНК) СССР в Париже Георгию Ефимовичу Эланскому, использовать детективное бюро «Бинтт и партнёры». Эланский как раз на деньги Игнатьева создавал агентурную сеть ИНО

⁵⁰ Резидентура – негласный, территориальный орган внешней разведки. Бывают: легальная резидентура, работающая в посольстве, и нелегальная резидентура, состоящая из сети агентов-нелегалов. Соответственно резидент – руководитель резидентуры.

⁵¹ Военный агент – во времена Российской империи так называлась должность военного атташе при посольствах России.

⁵² Игнатьеву А.А. было присвоено звание генерал-майор Красной армии в 1940 году.

ОГПУ во Франции. Генрих Бинтт в то время был почти разорён, он с радостью принял предложение о сотрудничестве от Эланского. Впрочем, вскоре Генрих отошёл от дел, передав бюро своему сыну, который также сотрудничал с советской разведкой. Жюль Бинтт вошёл в состав знаменитой «группы Яши». Её создал в 1929 году начальник ИНО ОГПУ Яков Серебрянский. Это была особая организация и подчинялась она непосредственно председателю ОГПУ Вячеславу Менжинскому. Группа создавалась для глубокого внедрения агентуры в различных европейских странах. В случае войны, «группа Яши» должна была собирать информацию стратегического характера, проводить террористические акты на территории противника.

Именно группа Яши спланировала и организовала похищение в Париже генерала Кутепова – руководителя РОВС⁵³. Агенты группы Яши затащили Кутепова в автомобиль, но тот стал вырываться и орать, тогда французский коммунист Мариус Онель, нанёс генералу Кутепову несколько ударов ножом в спину, от чего белогвардейский генерал умер. В группе Яши состоял так же и младший брат Мариуса – Морис Онель, именно он, переодетый в форму полицейского, предложил генералу Кутепову сесть в автомобиль. В 1938 года Яков Серебрянский был арестован НКВД и создаваемая им агентурная сеть, распалась.

28 сентября 1938 года, через несколько недель после ареста Серебрянского, Лаврентий Берия стал руководителем ГУГБ НКВД⁵⁴. Он начнёт разбираться с арестами сотрудников внешней разведки. Отдел внешней разведки (ИНО) тогда получил наименование 5-й отдел ГУГБ НКВД. Его начальником назначили тридцатичетырёхлетнего Павла Фитина. Раньше он к внешней разведке не имел никакого отношения, работал заместителем главного редактора «Сельхозгиза». Однако в 1938 году стараниями прежнего руководителя ГУГБ Фриновского вся служба внешней разведки была разгромлена, и Берия спешно стал набирать туда новых людей. Фитин отучился на курсах в Школе особого назначения НКВД СССР и был направлен на работу в 5-й отдел (внешняя разведка).

Павел Михайлович Фитин был умным человеком и потому большого вреда внешней разведке в период своего обучения не нанёс, а учился он быстро, и стал отличным руководителем разведки. Однако времени на восстановление службы было катастрофически мало. В 1939 году руководству СССР стало окончательно ясно, что дело движется к войне. Павлу Фитину нужно было срочно восстанавливать разгромленные Фриновским резидентуры в европейских странах. Начались сложности – на работу в 5-й отдел пришли такие же «спецы» как сам Фитин. Конечно, они старались, но опыта у них не было. Многие не владели ни одним иностранным языком, им приходилось обучаться на ходу, однако времени на это уже не было – 1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу, началась Вторая мировая война.

В Париже резидентом ГУГБ был Лев Василевский. Он получил указание от Фитина: «Ввиду ужесточения работы гестапо в Германии, и невозможности полноценной деятельности германской резидентуры, начать освещать события в Германии с территории Франции». В переводе на нормальный язык, это означало, что контакты с частью агентов живущих в Германии, будут проводиться силами французской резидентуры ГУГБ. А как это сделать?

В подчинении у Василевского было всего два оперативника, причём оба не знали немецкого языка, они и по-французски говорили с большим трудом. Тогда Василевский подключил к делу двух агентов-французов. Ими были Мариус Онель, имевший псевдоним Густав, и Жюль Бинтт, псевдоним Антуан. Оба отлично владели немецким языком.

Через два дня после нападения Германии на Польшу, 3 сентября 1939 года Франция и Великобритания объявили войну Германии. Британский экспедиционный корпус высадился во Франции. Англичане и французы заняли оборону вдоль франко-бельгийской границы,

⁵³ РОВС – Русский общевоинской союз, эмигрантская военизированная организация занимавшаяся проведением террористических актов на территории СССР.

⁵⁴ В 1934 году ОГПУ было переименовано в Главное управление государственной безопасности (ГУГБ). Оно входило в структуру Народного комиссариата внутренних дел (НКВД).

французская армия заняла укрепления на границе с Германией – так называемую «линию Мажино», и началась «Странная война», или как её ещё называли «Сидячая война». Союзники не вели никаких действий против войск Германии, засевших на «линии Зигфрида».⁵⁵ Изредка английские «Москито», «Хемдоны» и «Веллингтоны»⁵⁶ бомбили города в Германии, но не сильно. Не дай бог нанести ущерб промышленности Германии! Она же нужна для войны с Советским Союзом.

Пока шла эта «Странная война», Германия захватила Польшу, Данию и Норвегию. 10 мая 1940 года настал черёд Франции, Бельгии и Нидерландов. Эту операцию в ОКН⁵⁷ назвали «Гельбплан» – «Жёлтый план».

14 мая королева Голландии подписала капитуляцию Германии. 28 мая вермахт⁵⁸ полностью подавил сопротивление бельгийской армии. Обойдя линию Мажино по территории Бельгии, немцы захватили всю северо-восточную часть Франции. Остатки французских и английских войск отошли к Дюнкеру. Оттуда они эвакуировались в Великобританию.

22 июня 1940 года в Компьенском лесу французский генерал Шарль Хюнцингер подписал капитуляцию перед Германией. Она подписывалась в том самом штабном вагоне маршала Фоша, в котором 11 ноября 1918 года статс-секретарь канцлера Германии Матиас Эрцбергер подписал капитуляцию Германии в Первой мировой войне. По условиям капитуляции 3/5 территории Франции были отданы под управление Германии. На юге, в курортном городке Виши, было создано правительство Франции, союзное Германии. Оно так и звалось «режим Виши». Главой этого правительства стал маршал Анри Филипп Бенони Омер Жозеф Петен.

Когда в 1940 году вермахт вошёл в Париж, министерство иностранных дел Третьего Рейха объявило посольство Советского Союза во Франции: дипломатическим представительством СССР в Париже. Со своей стороны Советский Союз признал коллаборационистское правительство маршала Петена и прислал в Виши поверенного Александра Богомолова.

Начальник Главного управления имперской безопасности (RSHA)⁵⁹ оберстгруппенфюрер⁶⁰ Рейнхард Гейдрих направил в Париж уполномоченного от IV управления RSHA (гестапо – тайная государственная полиция) штандартенфюрера⁶¹ Гельмута Кнохена. Тот привёз с собой восемь сотрудников бегло говорящих по-французски. Разместились они в отеле «Боккадорф», а рабочие кабинеты у них были в здании парижской сысской полиции на улице Соссэ в доме № 11. Из Берлина в Париж была направлена зондеркоманда IV управления RSHA, которая именовалась «Функельшпиль» (Радиоигра) под руководством гауптштурмфюрера⁶² Отто Копенгофера.

Этих сил было явно недостаточно для борьбы с французским Сопротивлением, и в июле 1940 года Кнохен создал французское гестапо. Оно звалось «Gestapo française de la Lauriston» (французское гестапо с улицы Лористон). Парижане прозвали эту организацию «Carlingue» (Хижина). Возглавил её Пьер Бони – бывший парижский полицейский, уволенный за взятки незадолго до начала войны. Почти все французские полицейские согласны были служить в криминальной полиции, но на службу в Хижину идти отказывались, несмотря на хоро-

⁵⁵ Линия Зигфрида – система оборонительных сооружений построенных в 1936-1940 годах на западе Германии.

⁵⁶ «Москито», «Хемден», «Веллингтон» – британские бомбардировщики времён второй мировой войны.

⁵⁷ ОКН (Oberkommando des Heeres) – Верховное командование сухопутных сил вермахта.

⁵⁸ Wehrmacht (Вермахт) – производное от двух немецких слов «Wehr», что значит «Оружие», и «Macht», что значит «Сила», то есть «Сила оружия». Исторически в немецкоговорящих странах этим словосочетанием обозначались вооружённые силы страны. В Германии оно вошло в официальное употребление после принятия 16 марта 1935 года «Закона о создании вооружённых сил». До той поры той поры армию в Германии звали «рейхсвер» – что значит «оборона империи».

⁵⁹ RSHA (Reichssicherheitshauptamt) – Главное управление имперской безопасности Третьего Рейха (так звалась Германия во времена власти нацистов).

⁶⁰ Оберстгруппенфюрер – звание в СС аналог звания генерал-полковника вермахта.

⁶¹ Штандартенфюрер – звание в СС аналог звания полковника вермахта.

⁶² Гауптштурмфюрер – звание в СС аналог звания капитан в вермахте.

ший паёк, и денежный оклад которые давали немцы. Потому основной контингент в Хижине составляли уголовники, такие как Пьер Лутрель – квартирный вор. Однако Антуан (Жюль Бинтт) уговорил одного полицейского пойти на службу в Хижину. В мае 1940 года Антуан доложил Густава (Мариус Онель) и резиденту НКГБ в Париже Льву Вишневному:

– Мой информатор в Хижине сообщает, что Кнохен затребовал у Бони дела оперативного учёта на членов французской коммунистической партии.

– Мне нечего бояться, я уже четырнадцать лет как вышел из партии, – ответил Мариус Онель

Мариус Онель вместе со старшим братом Морисом Онелем в 1927 году были завербованы Яковом Серебрянским. Тот поставил условие – выход из Французской коммунистической партии, братья Онель согласились.

– Мы не можем рисковать, – покачал головой Вишневицкий, – Антуан, постарайся через своего информатора достать в Хижине список этих оперативных дел.

Через два дня, Антуан принёс на очередную конспиративную встречу список – оба брата Онель были в нём. Напротив их фамилий стояла пометка информатора: «Внесены в список по рекомендации инспектора Бласке».

– Этот недомерок ещё помнит нас с братом! – изумился Мариус Онель. – Бласке вёл наше дело в двадцать третьем году.

Густава решено было отправить из Парижа на юг в зону Виши, его брат Морис Онель уезжать категорически отказался.

– Я буду бороться с фашистами здесь в Париже, – заявил он.

22 июня 1941 года в 4 часа утра Германия напала на Советский Союз, а в шесть часов утра в Париже отряд СС разгромил посольство СССР, все сотрудники были интернированы в Турцию. В этот же день маршал Петен заявил посланнику Александру Богомолу, что французское правительство в Виши прекращает дипломатические отношения с Советским Союзом. Все сотрудники представительства СССР в Виши так же были интернированы в Турцию. Таким образом, после нападения Германии на СССР во Франции осталось две нелегальные резидентуры НКГБ. Одна на юге в зоне Виши, руководил ей резидент Густав (Мариус Онель), другая базировалась в Париже, руководил её резидент Ром (Роберт Бек). Жюль Бинтт с сыном Люком и Морис Онель входили в резидентуру Рома. Вот тут-то и сказалась неподготовленность Первого управления НКГБ⁶³ к войне с Германией. Резидентуры Рома и Густава имели всего по одному передатчику, мощности, которых хватало, чтобы связаться с радиостанцией НКГБ в Минске. Но вермахт через неделю после начала войны с Советским Союзом захватил этот город. Однако даже при таких условиях резидентуры Рома и Густава умудрялись передавать разведданные в Москву.

В августе 1941 года зондеркоманда «Функельшпиль» смогла обнаружить местоположение квартиры в Париже, где находился передатчик Рома. Однако гестаповцы сработали топорно, радист, уничтожив шифры, смог уйти, но передатчик был потерян. В декабре 1941 года вышел из строя передатчик Густава и радист не смог его починить. Так в течение нескольких месяцев Первое управление НКВД⁶⁴ лишилось связи с резидентурами во Франции.

В ноябре 1941 года Ром отправил к Густаву связного Марселя Лиду, что бы запросить у Москвы передатчик. На свою беду тот в Мантуаре попал в облаву и угодил в заложники. Французские партизаны-маки⁶⁵ убили трёх солдат вермахта, из-за чего немцы произвели облаву на

⁶³ В ВЧК, ГПУ и ОГПУ внешней разведкой занимался отдел ИНО (Иностранный отдел). В ГУГБ НКВД внешней разведкой занимался в начале 7-ой отдел ГУГБ, а в 1939 году после реструктуризации ГУГБ, он стал 5-ым отделом. С образованием НКГБ пятый отдел (внешняя разведка) был преобразован в Первое управление.

⁶⁴ 31 июля 1941 года НКВД и НКГБ было объединено, и НКГБ вошло в НКВД отдельным управлением ГУГБ (Главное управление государственной безопасности). Внешняя разведка стала Первым управлением ГУГБ НКВД.

⁶⁵ Маки – (ударение на букву «и»), от французского Maquis, что значит «свой».

железнодорожном вокзале Мантуаре, арестовав тридцать человек и объявив их заложниками, которые должны быть расстреляны за гибель солдат вермахта. Связной угодил в ту несчастную тридцатку. В тюрьме Мантуаре, он, понимая, что будет расстрелян и не выполнит задания Рома, ломал голову: что делать? Марсель повстречал своего давнего знакомого, Габриэля Эрслера который мыл камерный коридор. Они разговорились, и Габриэль сообщил, что задержан по пустяку, и вскоре его отпустят. Марсель решает довериться своему знакомому, он назвал ему явки и пароль к Густаву.

Габриэль Эрслер был арестован как еврей, его должны были этапировать в концлагерь в Германию, всё это Габриэль утаил от Марселя Лиду. Из Парижа в Мантуаре прибыл оберштурмбанфюрер⁶⁶ Курт Лешке – сотрудник IV управления (гестапо) RSHA, отдел В 4 (еврейский вопрос). Именно он отвечал за отправку евреев из Франции в концлагеря. Габриэль Эрслер выдал ему тайну Марселя Лиду, (который к тому времени как заложник был расстрелян). Таким образом, Эрслер рассчитывал избежать попадания в концлагерь и получить свободу.

Оберштурмбанфюрер Лешке забрал Габриэля Эрслера в Париж, и передал его главе парижского гестапо штандартенфюреру Кнохену. По информации Габриэля Эрслера, гестапо отправило в Виши сообщение о резидентуре Густава, (действовать самостоятельно там гестапо не могло). Однако Рене Буске – Генеральный секретарь французской полиции в Виши, не горел желанием служить нацистам и арестовывать французов в угоду гестапо, даже если те являются агентами СССР. Он спустил информацию Гельмута Кнохена на тормозах, зачитав сообщение штандартенфюрера Кнохена на общем собрании инспекторов полиции. Кто-то из них предупредил Густава, тот успел сменить явки.

Штандартенфюрер Кнохен от руководителя зондеркоманды «Функельшпиль» гауптштурмфюрера Копенгофера, узнал, что в начале декабря перестала работать радиостанция на юге Франции. Передатчик работал на Москву, об этом говорили «квитанции» полученные оттуда. Радист-нелегал, отстукивая на ключе радиостанции свою информацию в эфир, закончив, переходит на приём. Если информация полностью принята, радиостанция, которая её приняла, отстукивает несколько ничего незначащих цифр, их называли «квитанциями». По тому кто «выдал квитанцию», определяют, где находится принимающий передатчик, следовательно, на кого работает эта нелегальная радиостанция. Кнохен знал, что замолчавший на юге Франции передатчик, работал на Москву. Захваченная в Париже радиостанция также работала на Москву, следовательно, резидент в Париже направил связного в Виши, а его так некстати расстреляли. Кнохен послал Эрслера на явку в Париже, которую тому дал Марсель Лиду.

Габриэль рассказал о гибели Марселя, и о том, что радиостанция в Виши сломана. Эрслер сообщил, что он хочет вести борьбу против немцев. Резидент Ром был осторожен, едва Габриэль ушёл, он приказал владельцу явки срочно покинуть квартиру, таким образом, гестапо не смогло выйти на след резидентуры Рома. В то же время тот обещал подумать над предложением Габриэля о работе против немцев. Гельмут Кнохен был опытным контрразведчиком и решил не торопить события, он понимал, что резидент начнёт проверять все рассказанное Габриэлем Эрслером.

«Будем ждать» – решил штандартенфюрер Кнохен.

12 июля 1941 года в Москве между Великобританией и СССР было подписано соглашение о совместных действиях против Германии. Об этом писали все газеты в Советском Союзе и в Великобритании, но вот о чём не знали газетчики, так это то, что 29 сентября 1941 года в Москве было подписано ещё одно соглашение, секретное. Со стороны СССР его подписали

⁶⁶ Оберштурмбанфюрер – звание в СС аналогичное званию подполковника в вермахте.

старший майор государственной безопасности⁶⁷ Фитин и исполняющий обязанности начальника ГРУ генерал-майор Панфилов, а со стороны Великобритании соглашение подписал заместитель руководителя SIS/MI-6 полковник Клод Денси – знаменитый дядя Клод или просто Зет. Старейший разведчик Британии, начавший свою службу в разведке в 1900 году.

По соглашению заключённому советской и британской разведкой, MI-6 обязалось перебрасывать советских разведчиков с территории Великобритании в оккупированные Германией страны Западной Европы. 1 октября 1941 года Первое управление ГУГБ НКВД и ГРУ начинают совместную операцию «Ледоруб» – переброска советских разведчиков из Великобритании.

В SIS было специальное подразделение, именуемое SOE (Special Operation Executive, то есть «Управление специальных операций»), которое занималось подготовкой агентов к заброске. В SOE разрабатывались легенды для разведчиков и изготавливались документы для них. Сотрудники SOE прекрасно знали условия в странах, в которые предстояло забросить агента, они учитывали все мелочи, вплоть до одежды. Это в наш век глобализации, лёгкая промышленность Китая, одевает и обувает весь мир, а в середине XX века в каждой стране одежда шилась индивидуально, причём в незначительных деталях (например, пуговицы), одежда в одной стране отличалась от одежды другой страны. Специалисты SOE прекрасно разбирались в том, какой фасон платьев и пиджаков носят в Париже или Гамбурге, знали какие бланки, и печати там используются. Они досконально отработывали легенды для агентов и маршруты их движения. Всё это пока было недоступно для специалистов в ГРУ и Первом управлении ГУГБ НКВД. Кстати, в ходе операции «Ледоруб», англичане добросовестно отправляли наших агентов в оккупированные страны Европы вплоть до сентября 1943 года. Потом, когда стало ясно, что поражение Германии неминуемо, англичане решили – не следует помогать русским, организовывать агентурную сеть в послевоенной Европе, и стали саботировать операцию «Ледоруб». После сентября 1943 года в страны Европы с территории Великобритании не был заброшен ни один советский агент. Многие наши разведчики так и просидели в Великобритании до конца войны, ожидая выброски в тыл к немцам. Однако это к нашей истории не относится.

В ноябре 1941 года в Великобританию на советском теплоходе «Ижора» прибыли трое первых разведчиков. Так началась активная фаза операции «Ледоруб». По паспортам эти разведчики звались – Павел Кубицкий, Пётр Кузнецов и Анна Успенская. Встречал их сотрудник SOE майор Милнс-Гаскел.

Настоящее имя Анны Успенской – Шифа Лифшиц, она была еврейкой из Варшавы, коммунистка. В 1932 году окончила гимназию и уехала учиться на фельдшера во Францию. Шифа входила в союз молодых коммунистов, и на одном из собраний союза познакомилась с коммунистом из Италии Нинно Наннетти. В 1936 году Нино и Шифа поженились, а вскоре разразилась гражданская война в Испании, и оба по линии Коммунистического интернационала⁶⁸ поехали туда воевать. Нино командовал батальоном в итальянской интербригаде Паччиарди, и в одном из боёв был смертельно ранен. Умер он в госпитале города Сантандера. Шифа входила в диверсионную группу и выполняла задания за линией фронта.

В 1937 году после поражения республиканцев, Шифа из Испании вернулась в Варшаву. Когда в 1939 году Германия оккупировала Польшу, она как еврейка оказалась в варшавском гетто. В мае 1940 года бежала из Варшавы, и нелегально перейдя границу, оказалась в СССР. После месячного допроса в НКГБ, Шифа Лифшиц была направлена на лечение в один из санаториев Крыма. В сентябре 1940 года была завербована Первым управлением НКГБ и направлена на учёбу в разведшколу в Уфу. Руководство Первого управления ГУГБ НКВД, отправляя

⁶⁷ Звание старший майор государственной безопасности приравнивалось к армейскому званию полковник. Майор государственной безопасности, приравнивался к армейскому званию подполковник.

⁶⁸ Коммунистический интернационал – (Коминтерн, III Интернационал), международная организация коммунистических партий различных стран. Существовал с 1919 по 1943 годы.

Шифу Лифшиц для связи с Ромом и Густавом, исходило из того, что она четыре года жила во Франции, и ей после заброски легче будет сориентироваться в этой стране.

В Великобритании советских разведчиков готовили в графстве Бедфордшир, там же находился и аэродром Тэмпсдорф, откуда взлетали самолёты с разведчиками. За подготовку первых трёх советских разведчиков отвечал майор Милнс-Гаскел. Шифа Лифшиц вызывала у него большие сомнения. По-французский она говорила с заметным акцентом.

– Говорите ли вы по-немецки? – спросил майор её на немецком языке.

– Значительно лучше, чем говорю по-французски, – так же по-немецки ответила Шифа.

– Хорошо, – кивнул Милнс-Гаскел, перейдя на английский язык, – следовательно, по легенде вы родились в Эльзасе, таким образом, ваше неважное французское произношение будет выглядеть естественно.

Однако была ещё одна проблема – у Шифы Лифшиц был большой зоб, а это уже особая примета, их разведчик иметь не должен. Об этом ей и сказал майор.

– А вы не думаете о том, что в гестапо рассуждают точно так же?! – спросила Шифа.

– Действительно, – усмехнулся Милнс-Гаскел, – кому в голову придёт мысль, что разведчик может быть с такими бросающимися приметам.

Глядя в выпуклые глаза Шифы, майор Милнс-Гаскел, жалея её, подумал:

«Бедняжка, явно обойдена мужским вниманием. Кто захочет иметь дело с такой уродиней?!»

Вот тут майор заблуждался, мужским вниманием Шифа обделена не была. Мужчин она завоёвывала не красотой, а харизмой. Было в ней что-то такое, с молодости парни липли к ней.

Перед самой заброской в немецкий тыл, советских разведчиков обследовали британские врачи. Диагноз медицинской комиссии для Шифы был не утешителен – у неё вот-вот может случиться базедова болезнь. После прыжка с парашютом, она наверняка потеряет сознание. Руководство SOE принимает решение Шифу Лифшиц переправлять во Францию на торпедном катере. Её снабдили паспортом на имя Жанет Дюпон, подробно разработали маршрут движения до Парижа, и отправили в путь.

Несмотря на опасения Милнс-Гаскела на счёт Шифы (точнее Жанет Дюпон, агентурный псевдоним Ханна), до Парижа она добралась без приключений. Передала тысячу долларов резиденту Рому, вторую тысячу долларов следовало переправить резиденту Густаву. Нужно было найти радиостанции спрятанные Ханной на берегу после высадки. С этим успешно справились агенты Хиттель Грушкевич и Андре Леклер, посланные Ромом.

В первых числах апреля 1942 года в Москву ушла радиограмма: «Ханна добралась благополучно. Ром и Густав посылки получили».

Один из агентов резидентуры Рома – Андре Леклер, имел собственную автомастерскую, он принял Ханну на работу бухгалтером.

С декабря 1941 года Габриэль Эрслер по заданию штандартенфюрера Гельмута Кнохена упорно подбирался к Рому, собирая по крупицам информацию о нём. В конце концов, Ром стал доверять Эрслеру, он дал ему агентурный псевдоним Андре. В резидентуре Андре знал лишь связную Сьюзен Рене Хогг.

Москва категорически запретила Рому и Густаву контактировать с людьми из французского Сопротивления (там было полно агентов гестапо), и коммунистической партией Франции (причина та же, к тому же все коммунисты были известны гестаповцем из Хижины). Задача резидентурам Рома и Густава ставилась одна – сбор информации военного и политического характера. Никаких актов диверсии!

Как не информированы были немецкие гестаповцы и их французские коллеги из Хижины, до конца разгромить французское Сопротивление им не удавалось. Иногда случались диверсии против вермахта. Ханна неоднократно предлагала Рому совершить диверсию,

но тот неизменно отвечал, что Москва это категорически запрещает. Тогда Ханна решает действовать самостоятельно.

В мастерской Андре Леклера, работал тридцатилетний слесарь Жильбар Бако. Он не входил в группу Рома, однако был коммунистом, впрочем, с начала оккупации Франции, он ни с кем из товарищей по партии отношения не поддерживал. Ханна смогла очаровать его. Жильбар влюбился в Ханну, а она уговорила его начать борьбу против немцев. В мастерской Леклера они собрали несколько взрывных устройств, (вот где пригодился опыт приобретённый Ханной в Испании).

28 июня 1942 года Ханна и Жильбар выехали в местечко Питивье⁶⁹. Там была мельница снабжавшая вермахт мукой. 29 июля Ханна и Жильбар устроили на ней взрыв, от которого произошёл сильный пожар. Французская полиция опросила местных жителей, и кто-то вспомнил, что перед взрывом у мельницы видели женщину с большим зобом и мужчину. Жильбара и Ханну арестовали утром тридцатого июля на железнодорожном вокзале Питивье. Их тут же переправили в Париж, на улицу Соссэ в гестапо. В ходе допроса Жильбар мало что рассказал, потому, как ничего не знал, а вот Ханна, не выдержав пыток, призналась, что заброшена во Францию из Великобритании к советскому резиденту Рому. Ханна выдала резидента и Андре Леклера, больше она никого не знала, а штандертенфюреру Кнохену и этого было достаточно. Он решает прикрыть Ханной своего агента Габриэля Эрслера. Гельмут Кнохен понимал, что выявил не всех членов группы Рома, однако решил приступить к арестам.

«Остальных выявит Эрслер», – подумал Кнохен, давая команду зондеркоманде производить аресты.

Кроме самого Рома (Роберт Бек) были арестованы Сьюзен Рене Хогг, Хиттель Грушкевич, Бенедикт Либард, Морис Онель и ещё пять человек из группы Рома, (почти все они были выданы Габриелем Эрслером). На очной ставке между Шифой Лифшиц и Робертом Бекем, которая была произведена 2 июля 1942 года, Ханна повторила свои показания, обозначив Бека как советского резидента Рома. Роберт Бек признался, что является советским резидентом, и от дальнейших показаний отказался. Его сильно избили, переломав пальцы на левой руке, а когда он потерял сознание, бросили в камеру. Очнувшись на полу камеры, Роберт Бек подумал, что он может не выдержать пыток и начать сдавать своих товарищей. Он кое-как добрался до окна, разбил стекло и осколком перерезал себе горло. Однако гестаповцы умереть ему не дали, оказав медицинскую помощь.

Кроме Роберта Бека у гестапо были прямые улики на Андре Леклера (на него указала Ханна, как на члена резидентуры Рома) и на Бенедикта Либарда (это был радист группы, и дома у него нашли радиопередатчик). Всех остальных выдал Эрслер, а его «светить» гестаповцем было нельзя, он продолжал работу по выявлению остальных членов группы. По этой причине самые жестокие пытки достались Роберту Беку, Андре Леклеру и Бенедикту Либарду, из них выбивали показания на остальных членов группы, но все трое молчали.

Андре (Габриэль Эрслер) развил кипучую деятельность и донёс в гестапо на Жуля Бинтта, как на одного из агентов. Однако доказательств на Биинтта не было, все члены резидентуры Рома молчали. Выдав Бинтта, Андре подставился как агент гестапо. Жюль смог передать через своего информатора в Хижине, своему сыну, что Андре агент гестапо. Люк Бинтт также входил в резидентуру Рома. Именно он со своими друзьями задушил Габриэля Эрслера на мосту Берси.

В один из дней, очнувшись после очередных пыток, Роберт Бек добрался до стены, и через вентиляционную отдушину прокричал в соседнюю камеру, где находилась Сьюзен Рене Хогг, что его выдала Ханна, и что он пытался перерезать себе горло, но ему не дали умереть. От неё впоследствии и узнали о предательстве Ханны.

⁶⁹ Питивье – находится в 84 километрах к северо-востоку от Парижа.

Несколько месяцев гестаповцы пытали Бека, Леклера и Либарда. Следователи педантично записывали в журнал какие «методы воздействия» (так они именовали пытки), применялись, какие травмы заключённым были нанесены. Последний допрос был произведён 22 ноября 1942 года, в нарушении инструкции следователь Рашке занёс в «Журнал физического воздействия» (так именовался журнал пыток) фразу: « Арестованный Роберт Бек проявил необычайную стойкость и мужество».

По делу о советской резидентуре было осуждено двенадцать человек. Четверых из них: Роберта Бека, Андре Леклера, Бенедикта Либарда и Жильбара Бако 3 ноября 1943 года казнили. Шифу Лифшиц растеряли раньше, 10 декабря 1942 года. Остальных отправили в концлагеря. Люк Бинтт и ещё несколько человек из группы Рома остались на свободе, но связь с Москвой не поддерживали, не было ни радики, ни радиста.

В ноябре 1942 года вермахт вошёл на территорию контролируемую режимом Виши, таким образом вся Франция оказалась под оккупацией. Зондеркоманда «Функельшпиль» переместилась из Парижа на юг и в декабре 1942 года смогла обнаружить радиопередатчик Густава, радист оказал сопротивление и был убит, коды он успел уничтожить. Кроме радиста, вся резидентура Густава уцелела, однако связи с Москвой до 1944 года, когда союзники высадились в Нормандии, не имела. Но как говорится: «Нет худа без добра», Первое управление НКГБ⁷⁰ смогло сохранить свою нелегальную резидентуру во Франции для работы в послевоенный период.

Резидентура ГРУ в Западной Европе была разгромлена гестапо. Однако обо всём по порядку: в 1936 году руководил Разведывательным управлением РККА армейский комиссар 2-го ранга⁷¹ Ян Берзин. Он встретился с журналистом отдела международных связей Коммунистического интернационала Леопольдом Треппером. Тот был уроженцем Австро-Венгрии, до 1924 года жил в Польше, а потом как член сионистского социалистического движения уехал в Палестину. Там стал одним из руководителей еврейской коммунистической партии, за что попал в поле зрения британской контрразведки MI-5. Палестина в то время была протекторатом⁷² Великобритании. Леопольд Треппер в 1925 году уезжает из Палестины в Париж, и там поступает журналистом в еврейскую газету «Дэр моргн», выходящей на идиш. В 1932 году Треппер переезжает в Советский Союз, и поступает на факультет журналистики Коммунистического университета национальных меньшинств Запада. К Леопольду Трепперу проявляют интерес сразу две разведки СССР – ГУГБ НКВД и Разведывательного управления РККА, однако во второй половине тридцать седьмого года чекисты и военные разведчики оказались в «ежовых рукавицах», тут уж не до Треппера, быть бы живу.

Через полтора года, когда репрессии в СССР стараниями Лаврентия Берии прекратились, можно было начать спокойно работать. В 1938 году вместо расстрелянного Берзина, руководителем Разведывательного управления РККА⁷³ был назначен комдив Александр Орлов. Он и предложил Леопольду Трепперу работу в военной разведке.

⁷⁰ В апреле 1943 года вновь произошло разделение НКВД и НКГБ. Внешней разведкой по-прежнему занималось Первое управление НКГБ, а вот второе управление (контрразведка) приказом от 19 апреля 1943 года было преобразовано в Главное управление контрразведки, второе его название СМЕРШ – «Смерть шпионам».

⁷¹ Армейский комиссар 2-го ранга – персональные звания начальствующего состава РККА были отменены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1940 года «Об установлении воинских званий высшего командного состава Красной армии». Именно по этому указу в армии и флоте СССР были введены генеральские и адмиральские звания.

⁷² Протекторат – от латинского слова *protecto*г – покровитель. Форма межгосударственных отношений, когда, одно государство, находится под защитой другого.

⁷³ 5 ноября 1918 года Революционный военный совет республики (РВСР) утвердил Полевой штаб РВСР, прообраз Генерального штаба. Там было Регистрационное управление – военная разведка. В феврале 1921 года Полевой Штаб РВСР объединился с Всероссийским главштабом, и стал именоваться: Штаб РККА. В апреле 1921 года Регистрационное управление преобразовано в Разведывательное управление Штаба РККА. В ноябре 1922 года Разведывательное управление Штаба РККА переименовано в Разведывательный отдел Управления 1-го помощника начальника Штаба РККА. В 1924 году Разведывательное управление Штаба РККА восстановлено. В 1926 году переименовано в IV Управление Штаба РККА. В августе 1934 года

Треппера снабдили канадским паспортом на имя Адама Миклера и отправили в Брюссель. Там он повстречал своего друга по Палестине – Лео Гроссфогеля и привлёк его к работе на советскую военную разведку. В 1939 году к Трепперу прибывают два кадровых офицера 5-го Управления Наркомата обороны СССР: старший лейтенант Михаил Макаров, специалист по подделке документов и радиосвязи, и майор Анатолий Гуревич, его 5-е Управление планировало как нелегального резидента в Брюсселе. Гуревич имел агентурный псевдоним «Кент». Оба прибывших разведчика имели уругвайские паспорта. Макаров имел паспорт на имя Карлоса Аламо, а Гуревич на имя Винсента Сьера. Макаров и Гуревич воевали в Испании и немного говорили по-испански. В Бельгию они добирались через США, и ровно одни сутки были в Монтевидео – столице Уругвая.

В мае 1940 года Германия оккупировала Бельгию, у Треппера хоть и был канадский паспорт, но фамилия Миклер, явно еврейского происхождения, это могло привлечь внимание гестапо, Лео Гроссфогель также еврей. Необходимо было срочно приобретать другие паспорта. В группе был Макаров – специалист по подделке документов, но он пока плохо знал специфику бельгийского делопроизводства. Леопольд Треппер предложил, обратиться за документами к бельгийцам. В Брюсселе жил специалист по изготовлению фальшивых паспортов – Авраам Рейхман. Он промышлял тем, что делал фальшивые документы евреям, бежавшим в Бельгию из Германии. Рейхман изготовил паспорта: Треппер стал Жаном Жильбером, а Лео превратился в Жака Пипера. Однако в Брюсселе они «засветились», и решено было, что с новыми паспортами они переберутся в Париж. Там 13 января 1941 года они основали торговую фирму «Симекс».

В Брюсселе Кент (Анатолий Гуревич) жил в одном доме с еврейским миллионером Иосифом Барчем, бежавшим от нацистов из Праги. Когда немцы вошли в Брюссель, Барч с семьёй решает перебраться в Канаду, но его старшая дочь Маргарет, влюбилась в Кента. Она заявила отцу, что никуда не поедет. Кент (по документам Винсент Сьера) тоже полюбил Маргарет Барч. Война войной, а любовь существует во все времена!

Винсент и Маргарет поженились, тесть передаёт Кенту крупную сумму денег и все свои коммерческие связи. Винсент Сьера регистрирует торговую фирму «Симекс и партнёры» с офисом в доме №192 по улице Руаль в Брюсселе.

Таким образом, были организованы две нелегальные резидентуры: в Париже резидент Леопольд Треппер (агентурный псевдоним Большой шеф), и в Брюсселе, резидент Анатолий Гуревич (Кент). Притом имелись две коммерческие фирмы, дающие хороший доход, так что с финансами у резидентур проблем не было. Они даже могли помогать деньгами резидентуре в Швейцарии, которой руководил резидент Дора (Шандор Радо), там с финансами было совсем худо.

5-е Управление РККА снабдило свои резидентуры в Западной Европе радиостанциями в достаточном количестве, так что связь с Москвой они могли поддерживать бесперебойно. Парижскую агентурную сеть Треппер и Гроссфогель набирали из своих французских знакомых, а это в основном были евреи, и Авраам Райхман обеспечивал всех новыми документами.

Резидентуры 5-го Управления Наркомата обороны СССР⁷⁴ находящиеся во Франции, Германии и Швейцарии были связаны между собой и оказывали друг другу помощь. В то время как резидентуры НКГБ связи с ними не имели.

Когда 22 июня 1941 года все легальные резидентуры советской разведки прекратили своё существование, в оккупированной немцами Европе заработали нелегальные радиопере-

переименовано в Информационно-статистическое управление РККА. В ноябре 1934 года переподчинено наркомату обороны и названо: Разведывательное управление РККА. В мае 1939 года преобразовано в 5-е Управление Наркомата обороны СССР.

⁷⁴ В июле 1940 года 5-е Управление было передано Генеральному штабу Красной армии. 16 февраля 1942 года 5-е управление Генерального штаба Красной армии было преобразовано в Главное разведывательное управление (ГРУ) Генерального штаба Красной армии.

датчики. Так как принимающие радиостанции находились на территории СССР, («квитанции» выдавали передатчики расположенные именно там), RSHA стало ясно, на кого они работают. В сентябре 1941 года начальник отдела «Д» (техническая служба в чьем ведении находится радиоперехват) II Управления RSHA оберштурмбанфюрер Вальтер Рауф доложил обергруппенфюреру Рейнхарду Гейдриху, что на территории третьего Рейха и его протекторатов практически все нелегальные радиопередатчики поддерживают связь с Москвой, и лишь несколько с Лондоном.

Гейдрих приказал немедленно вызвать руководителя IV Управления (тайная полиция-гестапо) группенфюрера⁷⁵ Генриха Мюллера, и приказал ему начать разработку операции по выявлению всех передатчиков работающих на Москву. Рейнхард Гейдрих был музыкантом-любителем, он играл на скрипке, именно ему пришла в голову мысль назвать советскую агентурную сеть в Западной Европе «Красной капеллой». К тому же радистов на сленге контрразведчиков обозначали как «музыкант». Генрих Мюллер предложил создать зондеркоманду для борьбы с «Красной капеллой», возглавил её сотрудник берлинского гестапо оберштурмбанфюрер Карл Гиринг. Эту структуру так и назвали – «зондеркоманда Гиринга».

Проанализировав всю информацию по радиоперехвату, Карл Гиринг обратил внимание, что наибольшую активность проявляют радиопередатчики, находящиеся в Брюсселе, он решил ехать туда. Перед отъездом он сообщил Гейдриху, что силами своей зондеркоманды, сможет перекрыть только Брюссель. Рейнхард Гейдрих встретился с руководителем Абвера⁷⁶ адмиралом Канарисом и предложил ему объединить усилия по уничтожению «Красной капеллы». Когда все договорённости между Абвером и RSHA были достигнуты, в Бельгию выдвинулись автомобили Абвера с радиопеленгаторами. Люди Гиринга приехали в Брюссель под видом коммерческой фирмы, и сняли офис на улице Руаль в доме 192. Этажом выше, находился офис торговой фирмы «Симекс и партнёры», владельцем которой был обаятельный уругваец Винсент Сьера.

Леопольд Треппер загрузив Авраама Райхмана работой по изготовлению поддельных паспортов, снял обязанность изготовления документов с Михаила Макарова, тот занялся подготовкой радистов для резидентур Треппера и Кента. В то время радисты проводили за ключом по несколько часов, передавая информацию в Москву, что бы избежать пеленгации, приходилось раз в два месяца менять радиоквартиры, а это бросалось в глаза.

Наибольшему риску подвергались резидентуры Корсиканца и Старшины, которые работали непосредственно в Германии. Потому они часть информации, (та, которая с оперативной точки зрения была менее важна), отправляли для передачи в Париж и Брюссель, а иногда в Женеву. Однако пересечение франко-швейцарской границы дело хлопотное, потому этим каналом пользовались редко.

В Париже радиоперехватом занималась зондеркоманда «Функельшпиль», в Брюсселе пока радиопеленгаторных установок было мало, потому радистам работать было проще. В октябре 1941 года София Познанская – шифровальщица резидентуры Кента, сняла виллу в пригороде Брюсселя, в коммуне Эттербек, улица Атрабат дом № 101. Через два месяца, Кент засёк в Эттербеке автомашины радиопеленгаторных установок, и дал команду Макарову, прекратить выход в эфир с виллы. Резидент занялся поисками другой квартиры.

12 декабря 1941 года в Брюссель из Парижа приехал Леопольд Треппер, он сообщил Макарову, что нужно срочно передать в Москву несколько радиogramм полученных из Берлина.

⁷⁵ Группенфюрер – звание в СС равноценное званию генерал-лейтенант в вермахте.

⁷⁶ Абвер (Abwehr – оборона. Полное название этой организации: Auslandsnachrichten und Abwehr – Зарубежные новости и Оборона. Однако из-за того что название слишком длинное, то звали просто «Оборона») – орган военной разведки и контрразведки Веймарской республики и Третьего Рейха. Просуществовал в период с 1921 по 1944 годы.

– Кент запретил выход в эфир с этой радиоквартиры, – ответил Макаров, – а другой пока у нас нет.

– Но эти сведения очень нужны Москве, – возразил Треппер.

– Хорошо, рискнём, – кивнул Макаров, – для скорости будем работать в два ключа на разных частотах.

На вилле жили две шифровальщицы группы – Рита Арну и Софья Познански. На ключе сидели сам Михаил Макаров и второй радист Давид Ками.

12 декабря 1941 года в 15.00. радиопеленгаторы Абвера зафиксировали работу сразу двух передатчиков в районе Эттербек. В этой коммуне немцы стали на секунду, улицу за улицей, поочерёдно отключать свет, так они добрались до улицы Атрабат.

Когда в их доме ненадолго был отключён свет, Макаров и Ками поняли, что их передатчики обнаружены, но им осталось передать совсем немного, и они продолжили работу, тем временем Познански и Арну жгли радиogramмы и книгу, служившую ключом к шифру. Когда люди Гирина ворвались в дом, Давид Ками стал стрелять в гестаповцев из пистолета, в завязавшейся суматохе Михаил Макаров успел выбраться на крышу дома и спрыгнуть в кусты. Он весь исцарапался и подвернул ногу, однако чудом смог выбраться сквозь оцепление немецких солдат.

В момент ареста шифровальщиц и радиста, к дому подошёл Леопольд Треппер, задержавшему его унтер-офицеру он сказал, что коммивояжёр, и идёт к своему клиенту. Унтер-офицер спросил:

– В какой дом вы идёте?

Треппер указал на самый последний дом на улице, и немец его отпустил. Большой шеф из телефона-автомата позвонил в фирму «Симекс и партнёры», сообщил Кенту о провале радиоквартиры. Кент забрал жену и годовалого сына, срочно покинул Брюссель. Он с семьёй укрылся в Марселе.

При осмотре виллы на улице Атрабат, люди Гирина в куче пепла нашли маленький клочок бумаги – страничку из какой-то книги, на ней можно было прочитать слово «Проктер». Скорее всего, это было имя, так как начиналось оно с заглавной буквы. Больше гестаповцы ничего не нашли. В Берлине эксперты графологи определили, что эта книга на французском языке. Это всё. Других данных выжать из обгоревшего клочка бумаги не смогли.

Софи Познански, Риту Арну и Давида Ками жестоко избивали, требуя назвать книгу, но те молчали. 13 декабря, в полдень арестовали Михаила Макарова, он пытался выбраться из города, но с исцарапанным лицом и хромая, бросался в глаза. Макаров (по документам уругваец Карлос Аламо) работал в фирме «Симекс и партнёры», и люди Гирина бросились в офис, который находился этажом выше их помещения, однако обаятельного уругвайца Винсента Сьера, уже и след простыл.

Гестаповцы целыми днями избивали Макарова, Ками, Арну и Познански, но те молчали. Что бы сломить морально Риту Арну и Софи Познански, в тюремном дворе, на их глазах овчарки рвали Михаила Макарова, однако он и девушки продолжали молчать. Давид Ками понимая, что следующим для собак будет он, сообщил гестаповцам: он лейтенант Красной армии Антон Данилов – это было ложью. Давид, французский еврей, в Красной армии никогда не служил, он надеялся, что гестаповцы зауважают его как русского офицера и не станут травить собаками. Своего он добился, собакам его не отдали, но пытать стали изошрёнее, ломая пальцы на левой руке, однако Ками больше ничего не сказал. Всех четверых будут мучить в течение двух месяцев, затем отправят в Берлин, там ещё пять месяцев жесточайших пыток, требовали выдать все связи, но разведчики молчали. Гестаповцы не смогли сломить волю этих людей, их расстреляют в августе 1943 года.

Семь сотрудников зондеркоманды Карла Гирина стали любителями французской литературы. Целыми днями в Брюсселе они бродили по книжным и букинистическим лавкам,

искали книгу, в которой у одного из персонажей имя или фамилия Проктор. Накупив книжек, они приходили к себе на улицу Руаль и читали. Весь офис у них был завален книгами.

Пятого мая 1942 года унтерштурмфюреру⁷⁷ Гюнтеру Витцелю улыбнулась удача – он забрёл в книжный магазинчик возле площади Гранд Саблон в Брюсселе. Хозяином этой книжной лавки был Жак Любе, он долго болел, и вместо него торговали невестка и сын. В первый день хозяин вышел на работу и к нему нагрянул Витцель. Жак Любе вспомнил, что год назад у него была в продаже книга некоего писателя Александра Грина «Бегущая по волнам», выпущенная парижским издательством «Эдисьон нуваль». Книга была напечатана мизерным тиражом в тысячу экземпляров.

– Кажется в этой книге, шкипер судна носил фамилию Проктер, – припомнил Жак Любе, – я читал эту книжку. Какая-то мистическая история.

– Точно мистическая! – обрадовался Витцель. Он «погасил» своё излишнее возбуждение, и спросил: – Можно мне у вас купить эту книгу?

– К сожалению, мы все экземпляры книги продали, – развёл руками Жак Любе.

Книгу Александра Грина «Бегущая по волнам», Карл Гириг получил в издательстве «Эдисьон нуваль» в Париже. Дешифровальщики гестапо отыскивали нужную страницу, служившую ключом к шифру. Расшифровали радиogramмы, переданные Ками и Макаровым. Ознакомившись с текстом радиogramм, Гириг уцепился за один момент: был передан секретный приказ люфтваффе⁷⁸. На тот момент (это был декабрь 1941 года), с этим приказом там было ознакомлено пять офицеров. Из них наибольший интерес вызывал лейтенант Харо-Шульце Бользен. В его биографии нашлись интересные факты: в 1931 году Харо-Шульце Бользен входил в состав редакции леволиберального журнала «Дер гегнер», за что 20 апреля 1933 года был подвергнут заключению в особый лагерь SA⁷⁹.

В 1933 году Харо-Шульце Бользен прошёл обучение в лётной школе в Вернемюнде. 16 мая 1935 года он женился на Либергас Хаас-Хайе. Свидетелем на их свадьбе в Либенбергском дворце был рейхсмаршал Герман Геринг. Благодаря его покровительству Харо-Шульце Бользен был взят на службу в люфтваффе без обычной проверки на благонадёжность проводимой отделом А4 II Управления RSHA. За Харо-Шульце Бользенем было установлено наблюдение. Вот так гестапо вышло на советскую агентурную сеть, возглавляемую Харо-Шульце Бользенем (резидент Старшина).

В конце мая 1942 года Гейдрих вызвал к себе во дворец принца Альберта⁸⁰ Карла Гирига.

– Ваша работа очень важна Гириг, – сказал Гейдрих, – вполне можно сказать, что будущее Рейха зависит от её результатов.

– Обергруппенфюрер, я боюсь, что не справлюсь с возложенными на меня задачами, – ответил Гириг.

– Почему?! – искренне удивился Гейдрих.

– Я очень сильно устал господин обергруппенфюрер. Вероятно моя усталость, это следствие болезни.

У Карла Гирига был диагностирован рак горла, Рейнхард Гейдрих знал это:

⁷⁷ Унтерштурмфюрер – звание в СС, соответствовало званию лейтенанта вермахта. SA – (от немецкого слова Sturmabteilung), сокращённо SA – штурмовики.

⁷⁸ Люфтваффе (Luftwaffe дословно на русский язык переводится «Воздушные силы») – в нацисткой Германии, так именовались ВВС Германии.

⁷⁹ SA (от немецкого слова Sturmabteilung) – «штурмовые отряды», иначе штурмовики. В Германии их ещё называли «коричневорубашечники», из-за форминных коричневых рубашек. Это были военизированные формирования Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП), партии Адольфа Гитлера.

⁸⁰ В этом дворце на улице Вильгельмштрассе дом 101 в Берлине находился центральный аппарат RSHA.

– Я ознакомлен с вашим диагнозом, – ответил Гейдрих. Он вышел из-за стола: – Врачи утверждают, что дела ваши не так уж и плохи, это всё результат нервного перенапряжения последних месяцев.

Он повысил голос:

– В эти нелёгкие времена, когда немецкий народ ведёт смертельную схватку с еврейским большевизмом, долг каждого солдата быть в строю!

Рейнхард Гейдрих обладал высоким, писклявым голосом. Когда вдохновляясь, он проносил патетические речи, его голос начинал вибрировать. В двадцатые годы, молодой Гейдрих, будучи курсантов военно-морского училища в Киле, за эту свою особенность, заработал прозвище – «Козёл».

Патетическая речь Гейдриха сильно напоминала бляение козла, и Карл Гириг не удержавшись, улыбнулся. Тот по-своему оценил его улыбку, и уже без патетики, продолжил:

– Ну, вот господин оберштурмбанфюрер, вы и взбодрились, – Гейдрих указал рукой на стол для совещаний. Когда они сели за него, продолжил: – Сейчас вермахт ведёт изматывающие бои под Харьковом. Мы нанесли русским сокрушительный удар. Любая европейская армия, после катастрофических поражений какие понесли русские в сорок первом и сорок втором годах, капитулировала бы. Однако эти азиаты дерутся всё ожесточеннее, и всё же летняя кампания 1942 года, решит исход войны. Мы захватим Кавказ и лишим русских нефти. В этих условиях у них будет одна надежда, на помощь союзников. Необходимо внести раскол в ряды союзников.

– Каким образом?

– Рейхсфюрер⁸¹ поставил перед нами задачу, захватить русских радистов и начать радиогру с Москвой.

– Её цель?

– Внушить русским идею, что в руководстве Рейха дискутируется вопрос о сепаратном мире с СССР. Нужно втянуть русских в эту игру, а потом довести информацию о подготовке сепаратных переговоров между СССР и Германией до США и Британии.

Гейдрих и Гириг проговорили три часа, а потом Карл Гириг уехал в Брюссель. Через несколько дней, Рейнхард Гейдрих выехал в Прагу, где был убит.

После бегства Кента из Брюсселя, Леопольд Треппер возглавлял обе резидентуры. Он и Лео Гросфогель часто по делам фирмы выезжали в Брюссель, и привозили радиogramмы, для передачи в Москву. Там остался радист, немец Иоганн Венцель. Он был также и шифровальщиком. Треппер привозил ему незашифрованные радиogramмы, которые Венцель кодировал своим шрифтом, это сгубило ещё одну резидентуру в Германии.

30 июня 1942 года пеленгаторы Абвера смогли определить местоположение радиоквартиры Венцеля. Когда немецкие солдаты взламывали дверь в его квартиру, Иоганн поначалу растерялся и принялся прятать передатчик, потом он вспомнил о непереданных радиogramмах и книге, которую использовал в качестве кода. Венцель принялся их жечь, но было поздно, солдаты ворвались в его комнату.

Радиogramмы Венцеля были расшифрованы, по ним гестапо установило, что источник информации советской разведки находится в МИД Германии. Поработав там, гестаповцы вышли на советника МИДа Рудольфа фон Шелиа, в ГРУ он был закодирован как «Ариец». Гестапо пустило за Арийцем службу наружного наблюдения и вышли на его связную Ильзу Штебе (агентурный псевдоним Альта). Уже от неё следы привели к радисту группы Курту Шульце и ещё одному члену группы – Адаму Кукхофу. Именно последний был связным резидента ГРУ под агентурным псевдонимом Корсиканец – это был журналист Арвид Харшак. Все

⁸¹ Рейхсфюрер – высшее звание в СС, носил его министр МВД нацисткой Германии Генрих Гимлер.

члены резидентуры Корсиканца и Старшины были арестованы в сентябре 1942 года. Несмотря на жесточайшие пытки, никто из них не заговорил и на сотрудничество с гестапо не пошёл. По личному распоряжению Гитлера все разведчики были повешены в декабре 1942 года в тюрьме Плецзее.

В сентябре 1942 года бельгийская полиция задержала Авраама Райхмана. Он был арестован за подделку банковских векселей, и заявил инспектору полиции, о том, что бы его передали сотрудникам гестапо. На допросе в гестапо, Авраам показал, что он изготавливал фальшивые паспорта для английской разведки, (о том, что это агентурная сеть советской разведки Авраам Райхман не знал). Он передал Карлу Гириунгу паспортные данные тех, кому он изготавливал паспорта.

12 ноября 1942 года в Марселе был арестован Кент со своей женой. Именно в момент ареста Маргарет узнала, что её муж советский разведчик. Её и двухлетнего сына немцы отправят в концлагерь.

По показаниям Райхмана гестапо смогло арестовать всю парижскую резидентуру Леопольда Треппера, сам он чудом избежал ареста, ушёл на нелегальное положение. Однако у него сильно разболелись зубы, он записался к зубному врачу, об этом узнали в зондеркоманде Гириунга. 24 ноября Леопольд Треппер был арестован.

Радиоигру предложили Леопольду Трепперу и Анатолию Гуревичу. Те дали согласие, и в первый же радиосеанс передали в Москву сигнал о «работе под контролем». Однако по характеру переданной информации, генерал—майор Иван Ильичёв, руководитель ГРУ, понял, что разведчики арестованы.

В Брюсселе на радиоигру дал согласие арестованный радист Иоганн Венцель. Допрос Венцеля вёл регирунгсрат⁸²

⁸² Регирунгсрат – гражданское звание «советник». В RSHA не все сотрудники носили звания принятые в СС, были и штатские сотрудники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.